

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 143 (3644)

Суббота, 1 декабря 1956 г.

Цена 40 коп.

Если умело пользоваться землей...

Колхоз «Россия» Ставропольского края не напрасно считается одним из передовых хозяйств страны. Для писателя, желающего показать в большом, фундаментальном произведении победу колхозного строя, это хозяйство представило бы несомненный интерес. Какую бы сторону хозяйства ни захотел показать писатель — историю возникновения колхоза, его организацию, пути развития, — автор все нашел бы здесь. В этой артели умело и правильно пользуются землей.

Что же, «Россия» — единственное такое хозяйство? Разумеется, нет. Хорошие колхозы и совхозы мы найдем в каждом крае, районе, в самых различных природных условиях — и на тучных черноземах, и в засушливых степях, и в знойных долинах юга и в средней полосе. Все дело в том, принимают ли в расчет природные и экономические условия каждого района, колхоза и совхоза, о чем говорится на XX съезде Коммунистической партии. Земля-мать подает клад! — гласит народная мудрость.

Об умении пользоваться землей и плодотворности многочисленных внутренних резервов поля, продуктивности сельского хозяйства и ошеломительного разговора на объединенном заседании коллегий министерств сельского хозяйства, совхозов, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР и Президиума Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. В этих заседаниях, продолжавшихся три дня, участвовали ученые, руководители местных сельскохозяйственных органов, директора МТС и совхозов, председатели колхозов, конструкторы, селекционеры.

— Разнообразие почвенно-климатических и экономических особенностей обширной территории нашей страны делает невозможным рекомендовать какую-либо единую систему ведения хозяйства всем районам, — говорил президент ВАСХНИЛ П. Лобанов, выступивший с докладом о ходе разработки системы ведения хозяйства по зонам страны. Он сообщил, что в этом году повсеместно начались разработка системы ведения сельского хозяйства по всем основным

природно-экономическим зонам Советского Союза. Докладчик отрицательно отозвался о прежней порочной практике, когда каждая республика и область были ориентированы на производство у себя на месте всех основных сельскохозяйственных продуктов, в том числе и товарного зерна. Такого рода ошибки в прошлом допускались в прибалтийских республиках, Ленинградской, Пензенской, Великолукской, Вологодской и других областях, где в ущерб развитию продуктивного животноводства намечалось, без достаточных оснований, увеличение производства товарного зерна.

Производство товарного зерна, как сказал докладчик, должно сосредоточиться в районах Востока, Поволжья, Северного Кавказа, Украины, центральной черноземной области и в других зерновых районах, где для этого имеются наиболее благоприятные условия.

— Из практики известно, — говорил он, — что области, специализированные на производстве определенных видов продукции, как, например, Брянская — картофелем, Калининская — льном, Ставропольская — шерстью, Сибирь и Казахстан — зерном и т. д., уже достигли известных успехов.

Очень интересны примеры и расчеты ученых и практиков о том, какие огромные неиспользуемые резервы таит в себе сельское хозяйство. Так, основной вид удобрений в нашей стране — навоз. Из многолетнего опыта известно, что каждая тонна внесенных в почву местных удобрений повышает урожайность в среднем на один центнер зерна с гектара. Из 450 миллионов тонн навоза, получаемого ежегодно от животноводческих хозяйств, используется только половина. В результате теряется около полутора миллиардов пудов зерна. А если правильно использовать для удобрения весь комплекс органических удобрений, то страна может дополнительно получить свыше четырех миллиардов пудов хлеба!

В зоне засушливых районов, а они являются основными производителями товарного хлеба и мяса, главной проблемой является борьба за влагу. Здесь, несмотря на постоянный водный дефицит, ежегодно уносится всевозможными стоками в среднем 50—60 миллиардов кубометров воды. Задержанные талых вод на этой огромной территории, по мнению ученых, дали бы стране дополнительно двести млн. пудов зерна.

Вот, к примеру, Дергачевская МТС Саратовской области. В 1955 засушливом году здесь применили поперечно-гребнистую вспашку на площади в 10 тысяч гектаров. Талая вода не сбегала с полей, как обычно, а задерживалась поперечными гребнями и впитывалась почвой. И это дало прибавку урожая до двух с половиной центнеров зерна на каждом гектаре.

В текущем году дифференцированная вспашка была увеличена до тридцати тысяч гектаров. Только эта простая мера дала колхозам зоны Дергачевской МТС дополнительно шестьдесят тысяч центнеров хлеба. Тут же были построены простейшим способом семсот гектаров искусственных лиманов для задержания талой воды. Их стоимость — пятьдесят тысяч рублей, а дополнительная продукция, полученная в результате использования лиманов, — миллион двести тысяч рублей!

Добавим, что, помимо повышения урожайности, задержание талых вод на полях, в лиманах и прудах — весьма действенная мера борьбы с эрозией почвы. А ведь только в европейской части СССР имеется около пятидесяти миллионов гектаров земель, подверженных водной эрозии. Большую угрозу водной и ветровой эрозии почвы составляет также для целинных районов, где распахивают крупные массивы с почвами мелкого механического состава в открытой степи, овеиваемой сильными ветрами; распаханные склоны. Вследствие смыва почв ежегодно выбывает из сельскохозяйственного пользования до ста тысяч гектаров ценнейших угодий, переходящих затем в категорию бросовых земель. Страна ежегодно недобирает сотни миллионов пудов зерна.

С большой речью выступил заместитель Председателя Совета Министров СССР и министр сельского хозяйства СССР П. МАКРУШЕНКО

Известно, что в высшие учебные заведения поступают теперь только часть бывших школьников. За последнее время многое сделано для того, чтобы дать молодежи, не поступившей в вузы, возможность получить специальность другим путем. Открыты технические училища, окончившие среднюю школу охотно принимают в техникумы.

Но по-хозяйски ли это? Скажем, два мальчика учатся вместе в седьмом классе. Окончив семилетку, один из них, Коля, поступает в техникум. Другой, Вася, продолжает учиться в школе. Вот он получает аттестат зрелости, не из блестящих, и понимает, что в институт ему не попасть. И Вася идет в тот же техникум, где учится Коля, на третий курс, как положено окончившему десять классов, тогда как Коля, его бывший одноклассник, учится уже на четвертом. Чтобы достигнуть одной и той же цели, один из них учится одиннадцать лет, а другой двенадцать, то есть подготовка одного из этих двух специалистов со средним образованием обходится государству гораздо дороже. А ведь очень многие выпускники средних школ идут учиться в техникумы. Значит, когда-то и где-то узаконено увеличение расходов на подготовку средних специалистов? Чем же это оправдано?

Теперь предположим, что у Коли и Васи был еще один товарищ — Петя. И этот Петя тоже ушел из школы после седьмого класса, только не в техникум, а в ремесленное училище. В шестнадцать лет Петя уже имеет профессию, работает на заводе, у него самостоятельный заработок, он — опора семьи. В этом его преимущество перед Васей, окончившим среднюю школу, у него нет аттестата зрелости. Конечно, Петя может пойти учиться в вечернюю школу рабочей молодежи, — многие юноши и девушки так и делают. Но получается, что другие подростки, сверстники Пети, еще сидят за партой, а он уже совмещает работу с учебой, что очень и очень нелегко.

Мы нередко повторяем, что у нас существует единый тип школы. Когда говорят в виду только общеобразовательную школу. Но разве молодежь учится лишь в десятилетках? Из анкет, поступающих в вузы, видно, что молодежь приходит туда и из десятого класса обычной школы, и из техникума, и из школы рабочей молодежи, где

учатся люди, за спиной у которых уже немалый трудовой стаж. Все они разного возраста и опыта, по-разному подготовлены к вузу и, главное, к жизни.

Единогласно в среднем образовании уже давно нет. Встает серьезный вопрос: не пора ли узаконить обусловленные требованиями жизни разные системы средних учебных заведений и все их ввести в русло всеобщего? Возможно, что ремесленные училища нужно реорганизовать, чтобы они давали не только профессию, но и полноценное общее образование. Технические училища очень нужны сегодняшним выпускникам десятилеток, потому что дают им специальность. Но эти училища, в сущности, привесок к средней школе, которая за десять лет оказывается не в состоянии подготовить молодого человека к практической деятельности.

И разве целесообразно принимать в техникумы выпускников десятилеток? Не введен ли такой порядок лишь для того, чтобы куда-то устроить десятиклассников, не поступивших ни в вуз, ни на работу? Прием в техникумы на прежних основаниях — после окончания семилетки — вполне закономерен. Это экономия времени и народных средств.

Все эти вопросы волнуют многих. Как по-своему откликнется на них и Министерство просвещения РСФСР. Из года в год оно ищет новые пути, пытается лучше поставить дело народного образования. Но поиски эти пока что не увенчались успехом. Работники Министерства просвещения, как нам кажется, и сами твердо не знают, какая школа нам, собственно, нужна. В результате этого программа обучения определяется не серьезным, продуманным перспективным планом, а «заоблачные» исходя лишь из потребностей ближайшего отрезка времени.

На современном этапе, характеризующемся бурным развитием науки, техники, производства, задачи политехнического обучения не могут быть разрешены только общеобразовательной школой. Готовить молодежь к практической деятельности в промышленности, в сельском хозяйстве и в других областях жизни должны и другие специальные учебные заведения.

В современных условиях развития науки, техники, производства, задачи политехнического обучения не могут быть разрешены только общеобразовательной школой. Готовить молодежь к практической деятельности в промышленности, в сельском хозяйстве и в других областях жизни должны и другие специальные учебные заведения.

В решениях XX съезда КПСС говорится о необходимости введения всеобщего среднего (и, конечно, политехнического) образования и о том, что его надо осуществлять в средних общеобразовательных и средних специальных учебных заведениях. Это действительно государственное решение вопроса.

Между тем сейчас расширяется лишь сеть общеобразовательных школ. Это легко проследить на примере Ленинграда. Как развивается в нашем городе сеть общеобразовательных средних учебных заведений? Вот цифры: в 1950 году аттестат зрелости получили 8 100 человек, а в 1955 году уже 32 100 — рост почти в четыре раза.

Но, может быть, в городе так же бурно росла и сеть техникумов и других средних специальных учебных заведений? Приведем таблицу, полученную в городском статистическом управлении. Из нее видно, какой ничтожный прирост за

эти же годы получился в системе среднего специального образования:

Год	Колич. учебн. заведений	Колич. учащихся (в тысячах)
1950/51	80	43,8
1954/55	96	62,5
1955/56	96	67,0
1956/57	90	65,0

Из года в год у нас растет выпуск молодежи без всякой квалификации из средней общеобразовательной школы и почти не растет — а в перспективе, если мы не примем соответствующих мер, сократится — выпуск из средних специальных учебных заведений молодежи, имеющей квалификацию.

В организации образования советской молодежи далеко не все продумано. Возможно, тут сыграл свою роль ведомственный подход к решению этой большой государственной задачи. Когда-то шла речь о всеобщем начальном образовании. Кто решал эту задачу? Министерство просвещения. Потом пришло время, и мы начали вводить всеобщее семилетнее обучение. Этим опять же занималось Министерство просвещения. В настоящее время мы поставили задачу — ввести всеобщее среднее образование. И по инерции этим занялось опять же Министерство просвещения. А так как оно в настоящее время располагает только общеобразовательными школами, то в этом плане и решает проблемы десятилетнего всеобщего.

Программы этих учебных заведений, где специальные предметы сочетались бы с полным средним курсом общеобразовательных наук, нужно еще продумать.

В старших классах общеобразовательной средней школы, — наряду с политехническим обучением, которое должно готовить учащихся и к практической деятельности, — будет по-прежнему уделяться внимание подготовке к высшей школе. И нам представляется целесообразным подумать о разделении классов по направлениям — гуманитарные, технические и биологические. В каждом классе должны изучаться сжатые основы всех наук, но особое внимание надо уделять наукам, определяющим направление.

Сейчас молодые люди часто стремятся в вуз, потому что не видят иного выхода. Когда же большая часть получивших среднее образование будет иметь профессию, в вузы пойдут лишь те, кто действительно ощущает в себе тягу к глубокому изучению определенной науки.

Мы понимаем, что найдутся люди, которые согласятся с нашими мыслями, но немало будет и несогласных. Однако для того и пишем, чтобы обменяться мнениями, поспорить и решить, наконец, эту наболевшую проблему.

Особенно важно, чтобы громко, во весь голос высказались о положении в школе учителя, деятели народного образования, педагогической науки. Одной из важных и самых неотложных задач, стоящих сейчас перед Министерством просвещения, мы считаем созыв учительского съезда, на котором преподаватели высшей школы, виднейшие деятели медицины, ученые, экономисты и руководители хозяйственной жизни страны вместе с учителями обсудили бы остро назревшие проблемы народного образования.

Б. АНАНЬЕВ, профессор, действительный член Академии педагогических наук РСФСР

М. ШАРГОРОДСКИЙ, профессор Ленинградского университета

Н. ВЕРЗИЛИН, писатель, член-корреспондент Академии педагогических наук

Л. ПАНТЕЛЕЕВ, писатель

Н. ДОЛНИНА, учительница

М. ПАНИЧ, журналист

ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИНГРАД

Съезд Союза польских писателей

В Варшаве открылся VII съезд Союза польских писателей. На съезде присутствуют представители Центрального комитета Польской Объединенной Рабочей партии и правительственной республики.

Участникам съезда было зачитано приветственное письмо Центрального комитета ПОРП с пожеланием писателям плодотворной работы во имя укрепления сил социализма, во имя борьбы за строительство народной социалистической Польши.

С докладом о деятельности Союза польских писателей выступил председатель Главного правления Союза Леон Круковский, который охарактеризовал деятельность Союза польских писателей за минувшие годы, подверг критике работу союза и творчество ряда польских писателей.

В адрес съезда поступают приветственные телеграммы от творческих организаций страны, а также из-за рубежа.

Съезд продолжает свою работу.

НОВЫЕ ЖУРНАЛЫ

«ДОН»

«Литературной газете» главный редактор журнала «Дон» М. Соколов. — Издание нового журнала позволит активизировать творческую и общественную жизнь большого отряда писателей Российской Федерации, создать новый крупный литературный центр на юге России. Это трудная задача, но мы располагаем всеми возможностями, чтобы успешно справиться с нею.

Вокруг нового журнала будут объединены писатели и литературная молодежь Дона, Кубани, Ставрополья, Грозненской области, а также русские литераторы, живущие в национальных республиках Северного Кавказа.

Но мы не думаем замирать в узкие местные рамки. Журнал будет широко привлекать писателей Москвы, Ленинграда и других городов РСФСР, а также советских писателей братских республик. Уже были согласны участвовать в журнале М. Шолохов, К. Паустовский, Л. Никитин, А. Софронов, С. Михалков, А. Первенцев, П. Вершигора.

На страницах «Дона» будут печататься свои новые произведения писатели юга РСФСР — В. Закурицкий, С. Бабавский, А. Калинин, Г. Шолохов-Силынский, М. Никитин, Д. Петров (Бирюк), И. Василенко, Б. Изюмский, А. Оленин-Гененко, А. Гарнакерьян, В. Туренская, А. Панферов, П. Нишаков, В. Монастырев, А. Фарбер, В. Жак и другие.

В первых номерах «Дона» мы предполагаем ознакомить читателей с новыми главами из «Полной целины» М. Шолохова, неизданными главами из романа «Последний из уздеч» А. Фадеева, не публиковавшимся ранее рассказами А. Серафимовича и В. Ставского, воспоминаниями Л. Никитина о русских писателях, новыми произведениями В. Закурицкого и А. Софронова, повестью красавицы В. Монастырева, поэмой романиста А. Оленин-Гененко, рассказами русского писателя Ф. Минутки и прогрессивного французского писателя П. Гамарра.

Приходится отметить, что редакция нового журнала испытывает ряд организационных трудностей. Редакция Министерства культуры РСФСР затеивает решение вопроса о финансировании журнала. Ростовский облкомхоз до сих пор не предоставил удобного помещения для редакции.

Подписка на журнал уже объявлена. Цена отдельного номера пять рублей.

Хорошо известно, что читатели впервые знакомятся со многими новыми произведениями по страницам журналов. Между тем за последние годы в писательской среде наблюдается тенденция к тому, чтобы публикации своих произведений в периодической печати. Поэтому литературная жизнь писательских организаций часто замыкалась в узком кругу. Все это настоятельно выдвигает вопрос о возрождении добрых старых литературных традиций, о создании местных печатных органов, вокруг которых могла бы активизироваться литературно-общественная жизнь писателей.

Общественность страны уже знает, что с января 1957 года в Ростове начнет издаваться ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Дон», объемом в двенадцать печатных листов, тиражом 30 тысяч экземпляров.

Выход журнала — новое проявление отеческой заботы Коммунистической партии о развитии советской художественной литературы и всемерном удовлетворении духовных запросов нашего народа, — сказала в беседе с корреспондентом

встречи с простыми советскими людьми — это встречи с самыми дорогими и искренними друзьями. Много ценного дали нам первые, очень непринужденные беседы с собратями по перу в Москве и Ленинграде.

Какие вопросы занимали нас? Мы хотели узнать о новых литературных произведениях, созданных после XX съезда КПСС и съезда писателей в том, чтобы рекомендовать для перевода у себя на родине. Подробно изучали организационную структуру Союза советских писателей, интересовавшись, как строится взаимоотношения правления союза и его Московского отделения. Этот опыт будет использован в налаживании правильной деловой связи между правлением Союза китайских писателей, Пекинским и другими его отделениями.

В Ленинграде мы посетили редакцию журнала «Нева». Здесь нам рассказали о том, как ведется работа с начинающими писателями. Затем поделились впечатлениями от поездки по стране. Мы посетили в Москве на очереди в газетных киосках и на катки. Это, по мнению поэта, свидетельствует о том, что советские люди внимательно следят за всем происходящим в мире. Они умеют также хорошо отдыхать, укрепляя свое здоровье.

В Ленинграде я увидел большое количество скульптур, необычайно красивых город. Они вызвали у меня в памяти любимые образы и картины из произведений Пушкина и других русских классиков. Мы побывали в ленинском шале в Разливке, где укрывался от преследований реакции великий Ленин.

В Москве, в Третьяковской галерее, — вспоминает поэт Г. Би-чюков, — случилось так, что мы потеряли друг друга из виду. Я решил направиться к выходу и там дожидаться своих товарищей. Вначале мне было очень досадно, что из-за этого недоразумения пришлось пропустить много картин и скульптур. Но потом я больше не сожалел об этом. На моих глазах в двери музея широким потоком вливались все новые и новые посетители: мужчины, женщины, подростки. Я увидел женеральных и любознательных, по-настоящему красивых людей. Не на полотнах художников, а здесь, рядом с собой. Это были советские рабочие, крестьяне, интеллигенты. Это было олицетворение жизненных сил великого народа. Я видел простого человека, того, кто своими руками создает мощь Советского государства.

Есть у меня и «критическое» замечание: очень жаль, что нам при-

Пароход «Иван Сеченов» под погрузкой в Одесском порту. Фото Я. Левента

КАКАЯ НАМ НУЖНА ШКОЛА?

В ФОНД ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ ЕГИПТА ПОЧЕТНЫЙ РЕЙС «ИВАНА СЕЧЕНОВА»
Два портовых буксира подтянули к причалу новый черноморский турбоход «Иван Сеченов». Началась погрузка.
Один за другим подаются в трюмы огромные ящики с эмблемой Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. На ящиках надписи: «Правительству Республики Египет». Это — медикаменты, перевязочные материалы, оборудование для лечения, продукты питания, купленные на средства, которые собрали советские люди в фонд помощи населению Египта. У кормы парохода ожидают своей очереди десять новых санитарных автобусов с красными крестами на бортах. Мощный плывучий кран подхватывает их один за другим и осторожно опускает на борт судна.
В трюм корабля из широких труб механического амбара льется золотое зерно.
— Не лишняя ли пшеничка? — спрашивает портовый рабочий В. Прокопкин.
— Целинная, из Кокчетавской области! — отвечает ему.
На отходе судна — грузы со всех концов страны. Вместительные трюмы до отказа заполнены. В ночь на 28 ноября турбоход «Иван Сеченов» покинул Одесский порт и взял курс на юг, к берегам Египта. Экипаж корабля считает этот рейс особо почетным. Он доставит египтянам различные товары на сумму до 15 миллионов рублей и передаст египтянам горячий привет от советского народа.

На сердце у нас весна...

«Десять тысяч впечатлений вобрав в себя» — эту китайскую поговорку вспоминал поэт Г. Би-чюков, рассказывая о первых днях пребывания в Советской стране.
— То, что мы увидели здесь, — это словно море, словно необъятный океан! И, конечно, мы узнали лишь небольшую часть океана. С тревогой думаю я: удастся ли мне уложить весь этот огромный мир впечатлений в короткие строчки стихов? В Москве сейчас зима, снег, а у нас в сердце весна...
Две недели гостил в Советской стране наш дружок — группа писателей Китайской Народной Республики. Их трое. Заместитель председателя Шанхайского отделения Союза китайских писателей прозван Чжан Цзинь-и, поэты Янь Чэнь и Гэ Би-чюку. Кроме Москвы, гости побывали в Ленинграде, а сейчас выехали в поездку по стране. Маршрут — Узбекистан, Армения, Грузия, Украина.
Каковы же первые впечатления китайских литераторов? С этим вопросом обратился к ним наш корреспондент.
— Думаю, что не ошибусь, — ответил Чжан Цзинь-и, — если скажу: мои впечатления — это и впечатления моих товарищей. В Советской стране мы впервые. Все, что мы уже увидели, для нас необычайно ново и вдохновляюще. А

хотится большей частью ездить в машине, а не ходить пешком, тогда можно было бы больше видеть и наблюдать жизнь народа. «Когда видишь хорошее, — говорит у нас в Китае, — сердце стремится к нему...»
В заключение беседы китайские писатели поделились своими творческими планами на ближайшее время. Чжан Цзинь-и по возвращении на родину намерен рассказать китайским читателям о Советской стране. В его творческих планах — книга о дружбе советских и китайских рабочих и инженеров.
— В Чанчуне, — говорит Чжан Цзинь-и, — на первом китайском автомобильном строительстве, я познакомился с шифовальщиком Ло Минь-цзюнем. Он также учился в Советском Союзе, и теперь товарищи зовут его русским именем — Миша. На заводе имени Лихачева в Москве его учителем был Монахов. Позднее Монахов приехал в Чанчунь. Дружба Ло Минь-цзюня и Монахова подобна дружбе отца с сыном. Теперь я надеюсь встретиться с Монаховым, собрать побольше материала для книги о советском учении и его китайском ученике, о дружбе наших народов.
В творческих планах Гэ Би-чюку и Янь Чэня по возвращении на родину — создание цикла стихов, посвященных советским друзьям.

Выше довоенной нормы

Путь поэзии на газетные полосы не усеян розами. Я пришел к этому выводу много лет назад, когда впервые прощались с журналистикой в далеких от Москвы краях.

— Любимая ли вы стихи?

Чаще всего знакомые мне редакторы отвечали на этот вопрос нехотя, после многозначительной паузы:

— Стихи... Гм... Так ведь смотря какие стихи... Если хорошие, то почему бы их и не любить?

Обтекаемая формула эта позволяла им отклонять любые произведения, сохраняя при этом репутацию строгих редакторов настоящей поэзии. Впрочем, я знавал одного редактора, который не считал нужным скрывать своего враждебного отношения к поэтической продукции.

— Стихи? — спрашивал он ответственного секретаря, рассматривая макет очередного номера. — Только через мой триггер. Или по указанию директивных органов.

Приходит на память еще один редактор, который, наоборот, любил стихи в газете, но проверял их пригодность к печати весьма своеобразно. Как горько шутили поэты, редактор читал стихи ногой: четко выговаривая каждый звук, он отмечал ударами собственной стопы выданные слоги стихотворных стоп. Причем было замечено, что его конечность легче усваивала двухсложный размер — ямб (подъем — стук, подъем — стук), чем, скажем, трехсложный — анапест (два поднятия — один стук). Зато на всякие смены ритма и цезуры редакторская стопа реагировала безотчетливо: повиснув в воздухе, она мгновенно посылала сигнал о нарушении принятого стандарта, и горестные плоды поэтического труда безжалостно брановались.

Все это было давно. Теперь приятно вернуться свежую газету. Глядишь, сильные, звучные стихи появились, и не только в праздничных номерах, а и в обычных «в целях лучшей верстки». Со стилистическим гонимым примером газет периферийных. Можно констатировать, что теперь «в Союзе Республик» понимают стихов, выше довоенной нормы...

Выше. Но не всегда. Взять иттенское полугодие. Со страниц центральных газет звучат стихи об антуражах уборки урожая и о победах строителей, о любви к родной природе и о любви как таковой. Но мне показались, что прочно обосновались на страницах газет, некоторые стихи ведут себя довольно развязно. Один из них, небрежно развалившись на полосу, занимает несоразмерно своему содержанию много места. Другое, будучи по существу, недостоинством, явно поспешили выйти в свет. Третьи скандалили на первую полосу, не устранив заметных небрежностей в своем туалете. Фактов таких, в общем, не так уж много, но обходить молчанием их тоже не стоит. Однако на первый раз, по-моему, можно не указывать адресов: в конце концов, не все ли равно, где было напечатано то или иное неудачное стихотворение — в «Труде» или «Вечерней Москве»? В «Комсомольской правде», «Советской России» или «Советской культуре»? Тем более, что один из поэтических лягушенок замаскирован и из «Литературной газеты».

Разрешите теперь, после моего несколько затянувшегося аступления, перейти к фактам.

До настоящего времени я считал, что аромат — это и есть запах и что стихи не должны грешить против здравого смысла и правил русской грамматики. Поэт убедил меня в обратном. В порыве творческого восторга он воскликнул:

Пахнет хлеба ароматом
С золотых полей...

Другой поэт спрашивает:

Нужны детали, чтоб стучали
Возстановочные станки?

Вопрос поставлен ребром, и уйти от него некуда. Отвечая: разумеется, не нужны! Если станки стучат да еще безостановочно, дело идет к аварии. У поэта свой взгляд на технику. Его поэтическая натура, оказывается, тоскует не только тогда, когда «не слышно шуму городского». Ему не по душе и бесшумные механизмы в цехах. И вот он уже отчитывает того дядю, который не обеспечил станки громыхающими деталями. «Возьмись за ум, не трать слов», — советует ему поэт, не замечая, что эти слова, подобно бумерангу, возвращаются к их автору.

«Верно, было мне около году, я тогда несмышленышным был», — саморитично признается третий поэт и описывает свои первые шаги на лугу, где его «окунала густая, разгустая трава-мурава» и где он сделал ни с чем по трудности не сравнимый «первый шаг до цветка от подвала» матери. И что же? «Мне подсухла на языке планета на втором от рождения шагу, — ступет поэт. — И упал я, и плакал, наверно, и барахтался в теплой пыли...»

Что такое? Откуда пыль на лугу, покрывтом «густой, разгустой травой-муравой»? Не остался ли в данных строках поэт тем же несмышленышем, каким он был в годовалом возрасте?

Хорошо, когда стихи расширяют кругозор читателя, побуждают их к размышлениям. Именно к таким следуют отнести и стихи о том, как «на солнечный стан полехой артисты районной эстрады проехали выносы первой». И вот:

К помосту прикованы взоры.
Усевшись по-военски в ряд,
Сидят, не дыша, комбайнеры,
Шоферы безмолвно сияют.

Ну как не поблагодарить поэта! До сих пор я считал, что по-военски можно стоять в строю или маршировать, а тут выяснилось, что и сидеть можно на венский манер. Есть что-то новое, канонично смелый поиск и в самом выражении «усевшись... сидят». Развивая эту мысль последовательно, нетрудно предположить, что «усевшись» можно стоять или лежать.

Сложные размышления вызывает также эпиграмма, обращенная к одному народному артисту СССР:

Поет он сильно и свободно,
Как и положено певцу.
Хотя он и артист народный,
Ему зазнаваться не к лицу.

А всем остальным народным артистам зазнаваться и лицу? И как быть с заслуженными — артистами и деятелями искусств?

Далеко не каждый рапорт о завершении плана сдачи хлеба государству какой-либо областью сопровождался волнующими стихами. В этом отношении повезло Новосибирской области. Жаль, что в спешке поэт пропустил тем на качество сданного хлеба. Но его свидетельств, в элеваторы текла река.

Зерна наливного степей Кулундинских,
Зерна воскового степей Барабы...

— Ничего подобного! — пишут в редакцию барабинские хлеборобы. — Не давали мы государству «воскового зерна». На элеваторы шло от нас вполне здоровое, полное зерно...

А вот стих самозащиты от нас есть злободневные. Посвящены они штурму Оби. Поэт видит, как «в узкой горловине пробирается вперед, задыхаясь, темно-синий работяга-пароход».

Он гудит. Он жмет на пилы.
Он гулит-басит в пути:
— Обь, прошу поосторожнее,
Дай в последний раз, сестрица,
Старым руслом мне пройти!

Но ведь ясно, что видавший виды работяга-пароход не мог обратиться с такой просьбой к реке. Это придумал поэт, и придумал неудачно. И хорошо, что старая, мудрая Обь не вягла мольбе легкомысленного автора и не поосторожилась — пароход-то оказался бы тогда на суше.

Возвращаясь к вступительной части наших заметок, следует посоветовать периферийным газетам в таких случаях не брать примера с газет стилистических. Помните, когда мой приятель сталкивался с подобными навунами в родственной ему отрасли, но возникшими примерно при таких же обстоятельствах (то есть в среде людей культурных, грамотных), он говорил:

— М-да... Это не типично, но это симптоматично...

Да, если хотите, симптоматично. Видимо, некоторые авторы не всегда учитывают, что, стихи писать усевшись, следует не столько сидеть, сколько искать нужное слово, яркий образ, характерную деталь и, как минимум, помнить о том, что здравый смысл обязательна для всех родов печатного слова, включая слово поэтическое. Или, быть может, иные поэты слишком уж буквально понимают Пушкиным слово о том, что поэзия должна быть чуть-чуть глуповатой?

В. КРУГЛОВ

В „ДОМЕ ПЛЕХАНОВА“

100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Просторная, светлая комната; вдоль ее стен установлены полки с книгами. Над ними, а также в простенках развешены гравюры и фотографии — микеланджоловский «Моисей», портрет молодого Гёте, Реймский собор, античные барельефы. Посреди комнаты — простой, широкий, так называемый чертежный стол. К нему придвинут удобное мягкое кресло. На столе — чернильница, подсвечник, кош с бисером для чистки перьев, раковина, служившая пепельницей, металлическая рука (зажим для бумаг). Возле открытой книги лежат очки и футляр для них, нож для разрезания страниц, грудка карандашей. Кажется, что хозяин комнаты вот-вот войдет сюда и снова сядет к столу, чтобы продолжить прерванную работу.

Так выглядит кабинет Г. В. Плеханова, помещающийся в одной из комнат «Дома Плеханова» на 4-й Красноармейской улице в Ленинграде. Он воссоздан в точном соответствии с описанием кабинета Г. В. Плеханова в его женевской квартире (это описание сохранилось в одном из плехановских писем к дочери).

Книги, гравюры и мебель подлинны. Они были привезены еще в 1928 году Р. М. Плехановой. Она же была первым директором «Дома Плеханова». Только стол является копией (подлинный погреб во время блокады). Другие личные вещи недавно прислали из Франции из Ленинграда дочери Г. В. Плеханова.

В «Доме Плеханова» хранятся плехановский архив и библиотека. В архиве около 14 тысяч рукописей: черновые заметки, планы, конспекты статей и рефератов, записные книжки, тетради, письма и другие документы, охватывающие почти сорокалетний период жизни и деятельности Г. В. Плеханова. Здесь же находится архив его сподвижницы и друга — русской революционерки Веры Засулич, письма от М. Горького, А. Луначарского, Н. Семашко, К. Либкнехта, А. Гастера, Бебеля.

Под библиотеку, в которой насчитывается свыше пяти тысяч томов, отведен специальный зал. Даже простейший перечень изданий дает представление о необычайной широте и разносторонности интересов Плеханова. Здесь собрано все лучшее из литературы того времени: труды по философии, экономике, истории культуры, искусству, религии, изданные на русском, немецком, английском, французском, итальянском языках. В русском разделе библиотеки особенно богато представлена вся русская пресса.

Почти всех изданий испещрены пометками их владельцев. На десятках книг — авторские автографы. Вот, например, экземпляр третьего тома «Капитала», изданный на немецком языке в Гамбурге в 1894 году. На первой его странице надписи:

«Товарищу по борьбе Плеханову.
Ф. Энгельс».

Лондон, 11/12—94.

Следующая комната — мемориальная. В ней хранятся посмертная маска Г. В. Плеханова и слепок его руки. В витринах выставлены редкие издания плехановских трудов, его личные документы и другие материалы. К столетию со дня рождения Г. В. Плеханова здесь организуется большая выставка.

Как известно, Г. В. Плеханов хотел, чтобы его литературное наследие и архив были переданы Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и стали доступными широкому кругу читателей. «Дом Плеханова» и является сейчас филиалом Публичной библиотеки, а его читальный зал, расположенный здесь же, во втором этаже, ежедневно посещают научные работники, аспиранты, студенты, изучающие историю марксизма в России, интересующиеся творчеством и деятельностью Г. В. Плеханова и его соратников из группы «Освобождение труда».

На снимке — кабинет Г. В. Плеханова, воссозданный по описанию кабинета в его женевской квартире.
Фото П. ФЕДОТОВА

О ПОДВАЛАХ И «ПОТОЛКАХ» КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ

Ю. ОКЛЯНСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Это было обычное деловое совещание книоторговцев Тульской области с областным докладом об итогах работы за девять месяцев 1956 года. Но вот на трибуну поднялся высокий седой человек — заместитель директора книоторга Амвросьев. Он отгадал собравшихся и несколько неожиданно предложил:

— Давайте пофантазируем, товарищи! В зале зашуршали стульями.

— Представим на минуту, что новые поступления приходят к нам в магазины не как сейчас — один-два раза в месяц, а через каждые три дня!

Он стал рисовать пером собравшимся картину, которую сам, должно быть, отчетливо видел, и это придавало его речи выразительность. Центральные склады книоторга он сравнил с железнодорожными узлами: поступающая в область литература может проходить через них «зеленой улицей», но именно здесь же, на складах, могут возникнуть (в Туле и случается) двух- и даже четырехдневные «пробки». Главная задача оратора сводилась к тому, чтобы «я у нас, наконец», нашли себе применение передовые методы складского дела... А по ридам весело прокатывалось: «Прямо-таки Жюль Верн! Научно-фантастический роман».

Между тем заместитель директора ничего не выдумывал: он исходил из научно обоснованных, практикой проверенных методов работы, которым сам недавно был свидетелем в передовом Воронежском книоторге. И все же слушатели — а это отнюдь не были какие-то замшевые консерваторы! — трехдневный срок продвижения книги от железной дороги до покупателя представлялся почти химерой.

Достаточно просмотреть некоторые документы в министерствах культуры СССР и РСФСР, чтобы убедиться в том, что Тула, к сожалению, не исключение. «И у нас то же самое!» — этот крик души раздается со страниц многих по-деловому сухих отчетов, поступающих к месту.

«В течение последних 2—3 лет книжные товары хранятся в сыром подвале, который за два года три раза затоплялся... На полтора миллиона литературы... всегда находится под угрозой затопления...» докладывала главному директор Омского книоторга тов. Дубровина. Нет необходимости приводить примерно такие же сигналы из Кирова и Владивостока, Горького и Благовещенска, из Марийской республики, из Казахстана и Белоруссии.

«Однажды в Главыкниоторге Министерства культуры СССР мне довелось присутствовать при характерной телефонной переписке. Какой-то руководящий работник из Главыкниоторга в конце провода упорно требовал согласия на увеличение вдвое тиража ряда изданий. Работник главка столь же упорно возражал. Бросив, наконец, трубку на рычажок, он устало выдохнул:

— Не думайте, что спорил сейчас потому, что предлагаемые книги не нужны. Я глубоко убежден: тираж можно не только удвоить, но и утроить — разойдется! Но раскупят его не сразу, а постепенно. Ведь есть много книг, которые берет не каждый покупатель. Им надо выждать определенный срок на прилавке, на складе. А для нас это самое трудное: где хранить! Книжное половодье захлестывает — вот и приходится против своей воли

воздвигать искусственные плотины... Да, спрос народа на книгу непрерывно растет! Товароборот литературы в стране за последние шесть лет увеличился более чем вдвое, а материальная база книжной торговли, между тем, уже долгие годы тиготно отстает.

С тревогой, как несчастия, ждут сейчас книоторговцы предстоящего вскоре пуска новых мощных полиграфических комбинаций. Ведь для них — это новый разлив «половодья», дальнейшее расширение заполучных «ножики».

В Омске областная книоторговая база строилась в 1937 году, вместе с тем ее осталась прежней, а с тех пор объем продаваемой через нее литературы возрос в восемь раз. Вот и приходится прибегать к сырым подвалам.

— Старые базы для большей половины книоторгов нашей республики, — говорит заместитель начальника Главкниоторга РСФСР тов. Ахлесев, — это сейчас изношенная дустская одежда, из которой они давно повыважились. Правда, кое-что строится вновь. В Воронеже и в ряде других городов созданы замечательные «дома книги». Но все же это капля в море...

Полностью удовлетворяя, почему органы планирования не предпринимают энергичных мер для устранения создаваемого положения. Ведь, выразив язык политики, все это приводит к огромным непроизводительным тратам общественного труда. В Туле, например, подсчитали, что убытки от порчи литературы, железнодорожных штрафов и платы за аренду подвалов составили за последние три с половиной года 500 тысяч рублей. Новая типовая база для Тулы стоит миллион. Разговоры о ее строительстве ведутся вот уже пять лет. Стало быть, за этот срок только на деньги, брошенные буквально на ветер, можно было бы уже почти закончить новую базу!..

ХОЗЯЕВАМИ книжной торговли на местах являются исполкомы Советов. Сейчас, как никогда, развевана их инициатива, и с 1955 года им предоставляются новые финансовые права. Спрашивается: разве не могли бы руководители таких центров, как Челябинск, Горький и Куйбышев, найти для книг более подходящие помещения, чем проселковые подвалы? А может быть, и своими силами их можно выстроить, не ссылаясь на недостаточность ассигнований?

Ведь в том, что живет среди многих работников местных Советов другая традиция показного менестества, когда проявляется забота о культурных объектах, которые у всех на виду. Скрытые же от постороннего глаза книжные базы — сотни сырых подвалов, ветхих сараев — «котцы городов», в том числе и председатели Тульского горисполкома тов. Шапалов, как бы вовсе не замечают. И в результате эти жалкие подвалы торчат из-под земли, как грибы, безразлично, насколько они вредны для здоровья читателей, насколько они вредны для культуры, насколько они вредны для экономики, насколько они вредны для престижа.

Ведь в том, что живет среди многих работников местных Советов другая традиция показного менестества, когда проявляется забота о культурных объектах, которые у всех на виду. Скрытые же от постороннего глаза книжные базы — сотни сырых подвалов, ветхих сараев — «котцы городов», в том числе и председатели Тульского горисполкома тов. Шапалов, как бы вовсе не замечают. И в результате эти жалкие подвалы торчат из-под земли, как грибы, безразлично, насколько они вредны для здоровья читателей, насколько они вредны для культуры, насколько они вредны для экономики, насколько они вредны для престижа.

60-летие писателя Максима Зверева

АЛМА-АТА. (Наш корресп.) То, что происходило в этот день в Театре юного зрителя столицы Казахстана, не было похоже на обычные торжественные заседания, которыми часто отмечаются у нас юбилеи писателей. 60-летие детского писателя, натуралиста Максима Дмитриевича Зверева превратилось в праздник детворы.

Вокруг юбиляра собралась самая маленькая читателя. Отряды школьников в красных галстуках шли к занятию театра со своими знаменами, под бой пионерского барабана и звуки горна Зал театра наполнился звуком детских голосов. В фойе были выставлены книги М. Зверева.

— Я читал «Белого марала», читал «Орел Азамата», «На разлив», «Конек белого пятна», — указывая на книжки, стоящие на витрине, круглыми патлышками.

— Ого, даде Максиму шестьдесят лет, а книжек больше шестидесяти! — восторгался своим открытием другой.

А когда на сцену вышел смущенный юбиляр, дети устроили ему овацию.

Один за другим, группами и в одиночку поднимались на сцену представители пионерских отрядов и школ и приветствовали «ябло Зверева».

Вместе с маленькими читателями юбиляр приветствовали представители литературных и общественных организаций.

60-летие писателя Максима Зверева

бесконечность, казалось, сулила надежду на спасение.

Канава кончилась, и Рандер очутился на дороге, вскоре свернувшей к огородам. Это была как бы главная магистраль, от которой вправо и влево отходили узенькие тропинки.

«Надеюсь, у них нет тут сторожа», — подумал Рандер. Но сразу же успокоил себя: едва ли. Лето еще настолько раннее, что ворам не на что здесь позариться.

Он долго шел по главной дороге, потом свернул. По обе стороны тропинки чернели грядки, там и сям высорывались прясла и кусты. Кругом было совершенно тихо, и это побуждало его быть еще осторожнее. Хата туман был здесь не такой плотный, тем не менее сырость липла к лицу, пробирала до костей.

И вдруг Рандер почувствовал усталость, словно неожиданно открыл ее в себе. От него ломило руки. — ведь ему столько раз приходилось перелезть через заборы, ноги, — он так долго бежал по низине. Все тело нестерпимо ныло.

Следовало бы остановиться, передохнуть и подумать, как быть дальше...

Он остановился возле какого-то небольшого строения, нагих видел немало, проезжая здесь на поезде. То были битые из досок крошечные сараички, в которых владельцы огородов хранили орудия и разный хлам. А ныне из них даже проводились хлеще выходные дни.

Он подошел к сараю и нащупал дверь. На ней висел небольшой замок — даже на ощупь можно было определить, как слабо он укреплен. Рандер слегка потянул, и один пробой высочил, замок повис на другом.

Рандер вошел в сарай и сразу же споткнулся в темноте о что-то мягкое. Потрогав руками, он понял, что это трупье, наброшенное на ворох сена и веток, лежащих на полу. Он сел на ворох, потом лег, — оказалось, что место это остается.

Здесь было гораздо уютнее, чем в этом отвратительном тумане и сырости. И как будто даже немного надежнее...

Последняя мысль вновь пробулила в Рандере чувство осторожности. Кругом царил полный мрак, глаз ничего не различал. Только прямо перед Рандером на черном фоне выделялись две пятнышко, длинное и узкое — как видно, щель от неплотно прикрытой двери; другое, рядом с ним, квадратное, шири-

Рис. В. ДОВРОВОЛЬСКОГО

са развалилась возле самого сарая. Кто-то спрашивал высокомерно и повелительно:

— Значит, вы никого не видели?

— А кого мне видеть-то... — отвечал другой голос, принадеждавший, судя по всему, старейшей женщине. — Я сама только что пришла. А вы кто вы?..

На этот вопрос ответа не последовало. Послышалось лишь недовольное покашливание.

Рандер опустил на четвереньки и осторожно подкрался к двери. В первую же щель он увидел женщину. Это была сморщенная старуха в платке, зарывавшем ей весь лоб; в одной руке она держала грабли, в другой — лейку. Лицо ее выражало испуг, не в то же время и упрямство. Для того, чтобы разглядеть ее собеседника, Рандеру пришлось долго искать удобную щель. Наконец он увидел и его: высокий, смуглый мужчина в штатском, в надвинутой на один глаз фетровой шляпе. В лице его было что-то от ищейки, когда он спросил:

— Чья это конура?

— Юбу-Юхана. Старик такой. Он всегда под вечер приходит. Вон, замок еще висит...

— А те, другие?

— Откуда мне знать? Вон та, говорит, учителя одного. А про другие не знаю... Ну-ну!

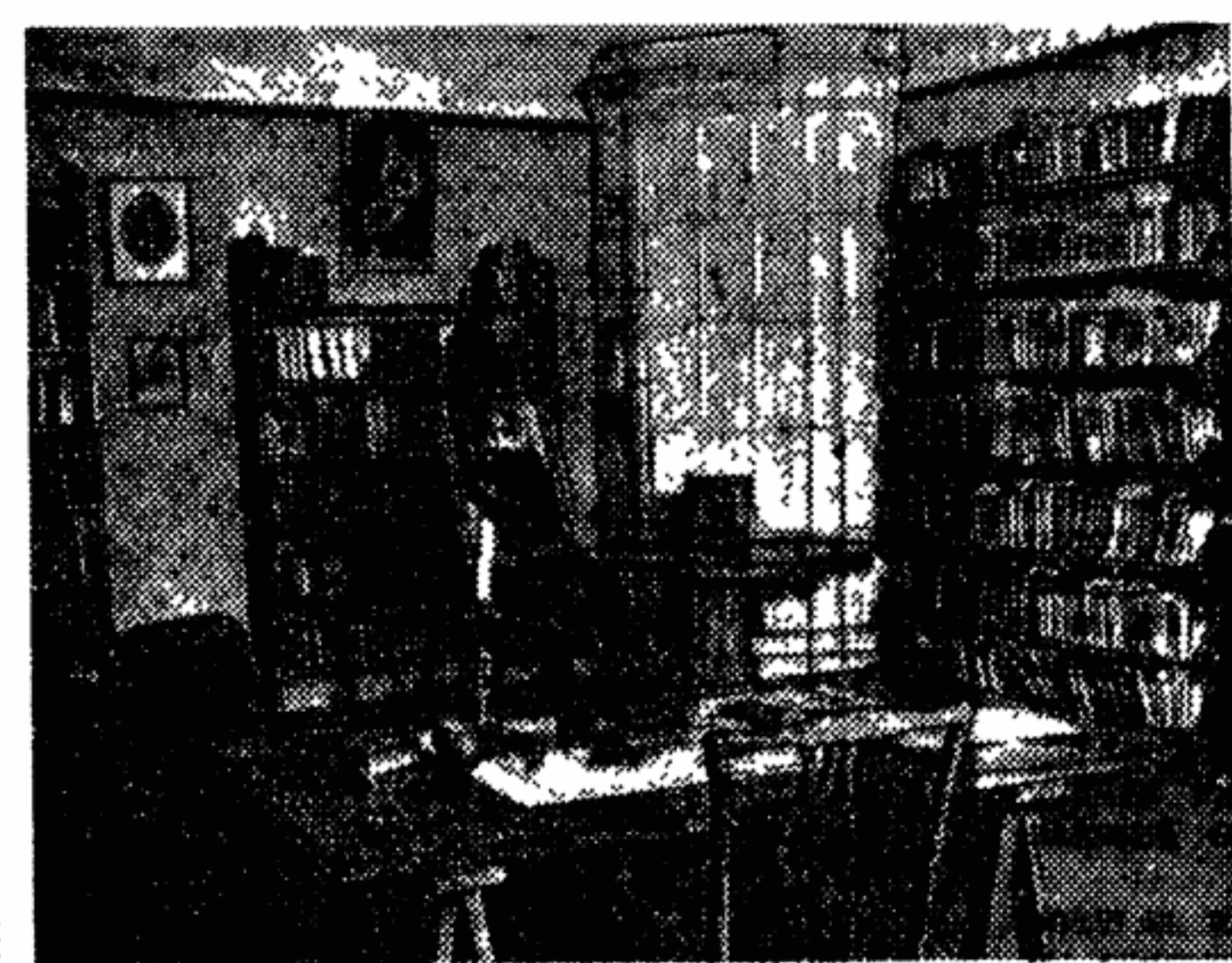
Это было сказано с угрозой.

Прислушавшись к разговорам, Рандер заметил, что допрашивающий все время поглядывает куда-то в сторону, мимо старухи, и затем разглядывал в соседнюю щель еще одного человека, мужчину в зеленоватом мундире и высокой фуражке, с мясочкаватым носом и закрученными в стрелки усами. Казалось, он не понимал, о чем говорят те двое, но догадывался о содержании разговора по выражениям их лиц.

Рандеру обстановка была и без того ясна, но при виде человека в мундире он все же вздрогнул.

— Ну-ну! — еще раз пригрозил человек в штатском. — Посмотрим!

Потом Рандер услышал шаги по траве и шорох: кто-то прикоснулся к стене сарая. В ту же минуту в сарае стало темно, во-первых, это ему не удалось, во-вторых, в сарае стало еще темнее и, в-третьих, он все равно не смог бы разглядеть, что делается возле самой двери. Снова послышалось недовольное пока-

Ю. ОКЛЯНСКИЙ

На этой прямой черте Рандера можно было увидеть с очень большого расстояния — даже ползущую кошку нельзя было бы здесь не заметить. Но, к счастью, в этом опасном положении он оставался всего лишь две-три секунды.

Он тотчас же перекинул ноги на другой склон насыпи. Так он пролежал еще мгновение. Прижавшись подбородком к шпале, Рандер поглядывал назад.

Ту часть насыпи, которая тянулась сразу за насыпью, он не мог видеть, но едва ли преследователи были уже так близко. Дальше местность немного повышалась, но и там глаз ничего не различал. Можно было с трудом разглядеть лишь реденький соснычок, через который он недавно бежал. Жилья нигде не было видно, только вдаль, слева, мелькала какой-то ода. Но он, казалось, непрерывно удалялся, а временами и совсем пропадал. В той стороне проходило шоссе, — возмозно, то был свет фар какого-нибудь автомобиля.

Рандер сполз до середины насыпи и опять встал на ноги. Но едва он очутился внизу, как его окутал густой, промозглый туман. Рандер с трудом различил у самых своих ног широкую канаву, наполненную черной водой.

Свернув налево, он зашагал вдоль насыпи. За ней тоже растянулась низкая равнина, поросшая словно черным кустарником. И Рандер вспомнил картину, врезавшуюся в его память с тех пор, как он проезжал здесь на поезде: тут находились городские огороды. Их монотонная

Беглец

Фридеберг ТУГЛАС

...Рандер бежал, уже задыхаясь. Но чувствовал, что силы его иссякают, он в то же время соннавал, что опасность уменьшилась.

Правда, время от времени до него все еще доносились крики: «Хальт, хальт!» Но, похоже на тьявские охрипшие собаки, они терлись где-то вдали.

Кругом чернели разбросанные там и сям молодые сосенки, под ногами похрустывал вереск. Рандер старался держаться в тени деревьев и поэтому бежал зигзагами. Хруст вереска казался ему предельским.

Впереди него чуть розовело, оазерное отблеском городских огней. И на этом более светлом фоне резко высорывалась прямая линия железнодорожной насыпи. Местность была здесь низкая, и поэтому насыпь казалась особенно высокой.

«Только бы удалось через нее перепрыгнуть!» — подумал Рандер.

Для него насыпь была как бы гранью, отделявшей большую опасность от меньшей. По ту сторону насыпи лежал словно другой мир; казалось, там можно будет перевести дух.

Возле самой насыпи бежать было легче — на ее черном фоне фигуру человека труднее разглядеть. Поэтому Рандер свернул направо и некоторое время бежал в этом направлении. И потому же здесь он ощущал под ногами что-то вроде тропинки, хотя и не видел ее.

Но, чтобы чувствовать себя сколько-нибудь настороженно, ему необходимо было перепрыгнуть через насыпь. И тут его опять подстерегала опасность. Прогнувшись, он полез до половины склона, потом лег на труп и пополз. Песок и щебенка хрустели под ним. Добравшись до гребня, он плотно прижался к земле и начал переползать через рельсы. Когда он схватился за них руками, они показались ему холодными и скользкими. А ух оловинно какой-то гул — рельсы гудели. Может быть, то был голос далекого поезда?..

ПОЭЗИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЮНОСТИ

В преддверии сорокалетия Октябрьской революции необходимо обобщить опыт тех советских поэтов, чье творчество формировалось в годы зарождения советской власти и воплотило в себе характер великой революционной эпохи.

К числу таких поэтов относится и В. Луговской. Его творчество неразрывно связано с Октябрем, гражданской войной, с великими боями за социализм. Новая эпоха отразилась не только в содержании его поэзии, но, что чрезвычайно интересно, и в характере его поэтики. В творчестве Луговского нашли воплощение лучшие черты национального характера русского народа, его революционный размах. Здесь мы видим и формирование новой революционной романтики, без которой немаловажна наша литература.

Не одно поколение революционной молодежи запомнило ранние стихи поэта, вошедшие в боевой арсенал нашего искусства. Широко и раздельно звучит «Песня о ветре». Ритм — напряженный, стремительный, впитавший в себя походный шаг и походную песню; вырывается с налета партизанский напев: «Ох, замутила, заремела, замутила, из ветговки, из нарезки меня ранила». Из того же источника — неожиданная, свежая рифма: «Шулетные дорожки расстилать, белую о сосны расстреливать». Среди поэмы — внезапный стук телеграфа: «Восмого января армией пятой взят Красноярск!» Замечательны разнообразие поэтических средств в одном стихотворении и достигнутая поэтом естественность звучания в этом разнообразии.

На наш взгляд, своеобразие и ценность поэзии В. Луговского вовсе не в обнаженной прямолинейности, как утверждал В. Зелинский. Это поэзия мужественной нежности, несентиментальной человечности, строгого, сдержанного, но от этого еще более душевного разговора с молодым поколением революции.

Из многочисленных конкретных деталей — примет времени — возникает в поэзии Луговского центральная образность — образ поколения, которое «тяжелое знамя Советов» пронесло на своем плече. Образ не становится риторическим именно вследствие заключенной в нем большой эмоциональной правды. Да, знамя было тяжелое; это слово содержало в себе два смысловых оттенка — трудность и величественность.

Ранняя поэзия Луговского была, однако, ограничена эмоциональным, может быть, даже стихийным восприятием и отражением революционной эпохи. В этой поэзии выступало не столько глубокое осмысление исторических событий, сколько юношеское упоение романтикой боя и подвига.

Позднее В. Луговской сумел воплотить пафос героических дел той революционной молодежи, которой приходилось штурмовать крепость знаний, покорять природу, возводить новостройки на дальних просторах Родины. Расширилось понимание революционного подвига, иной раз бурного и, на первый взгляд, незаметного. Отчетливее выступали смысл, цель, направление этого подвига. И снова поэт прямо и честно говорил о не легкой, но радостной жизни, рисовал «е веселыми глазами и выжженными нервами, привычных и честных, нас — молодежь!» И в героическом горении этой молодежи снова проявлялись лучшие черты характера советского народа. «Саратовский братишка со шрамом на губе, обутый в динамитный дым», внешне не похож на «мастеров и инженеров, костящих механиков, окантованных врачей». Но это люди одного склада, люди революции, некогда верящие в ее победу, окрыленные ее жизнеутверждением, люди «веселых глаз в тысячу свечей».

Воплощая пафос строительства и борьбы, Луговской избрал один из наиболее сложных и драматичных плацдармов — Среднюю Азию. Конечно, можно сказать, что она привлекала его, как поэта несколько романтического склада. Но в этом только доля правды. Подобно Н. Тихонову, создававшему цикл стихов «Юрта», подобно П. Павленко — автору «Пустыни», Луговского интересовал Восток, как средоточие острых столкновений старого и нового мира.

Романтика в среднеазиатских стихах Луговского приобретала, так же как у Вагрицкого, у Тихонова, новое качество. Это была не «кабинетная выдумка, дохлая

Владимир Луговской. Избранные произведения в двух томах. Гослитиздат, 1956.

Григорий ЛЕВИН

Романтика оказывалась тем более реалистической, чем более открывалась великой революционной идеей.

В книге «Большевиком пустыни и весны», которая стала эталоном для нашей поэзии и прочно вошла в ее историю, в мужественной поэме «Дангара» Луговской рассказана трудная правда о схватках с басмачами, о бесстрашной молодости революции.

Книга «Большевиком пустыни и весны» одной из первых в нашей поэзии показала пороющую природу советского человека. Идея единства партии и народа пронизывает эту книгу.

Глубоко национальная по своему характеру поэзия В. Луговского не была, однако, никогда национально ограниченной. С течением времени она все более широко вбирала в себя впечатления жизни, и введение в нее темы Запада означало расширение и углубление идейного диапазона поэты, осмысление им характера русской революции, ее всемирно-исторического значения.

Новый национальный характер русского и всего советского народа глубоко раскрылся в книге В. Луговского «Европа». Поэт, вслед за Маяковским, так же, как Асеев, Тихонов, Сельвинский, Антокольский, увидел Европу глазами нового мира. В позднейших поэмах «Пер-Лангес» и «Лондон до утра» Луговской показал две Европы.

Вот поэт рисует Лондон, «великий город — дичье океана». Обычная уличная сцена. Нищая женщина вяло играет на гармошке. Высокий господин в полувоенной форме, при медали, протягивает старую фуражку. В контраст в этой сцене возникают «витрины в три ряда, заваленные бешеным богатством». Сокровища Британского музея, и снова контраст — «сумятица промокших дымящих доков». Сквозь всю поэму проходит объединяющий ее разрозненные эпизоды образ — символ обреченности старого мира: умирает известный британский поэт, «воспевший бремя власти, легкость гнета, сказавший миру, что Восток и Запад недвижны будут до конца веков».

И вот другая Англия — Англия Шекспира, Дарвина, Ньютона — та Англия, где покрыта холодом плитой «священная могила Карла Маркса», та, где «Ленин думал и творил» в «библиотечных строгих залах», та, которая гневно заявила в пору похода Антанты: «От России руки прочь!»

И от темы Англии — мост в теме пробуждающегося Востока, от темы «владычицы морей» — к теме крушения колониализма. Здесь еще более возрастает интернациональный пафос поэмы.

Весь Запад полон грозовой тревогой. Свои оковы Индия срывает. Баргвом светом пышет Гималаи, Малайский тигр готовится к прыжку.

После первых замечательных книг В. Луговского в его поэзии был довольно длительный период творческих поисков, когда поэт отдал дань напыщенной риторике и обнаженной публицистичности. Поэт словно потерял непосредственную связь со своими героями, и тогда составлявшая его силу зримость и конкретность поэтического образа, напряженность и динамичность ритмики уступили место абстрактности и рассудочности, стих нередко становился вялым и вялым.

Сейчас В. Луговской словно переживает вторую творческую молодость. Он закончил многолетнюю работу над книгой «Середина века», которая включает двадцать пять поэм. Перед нами — поэзия глубоко интеллектуальная, поэзия напряженных лирических раздумий, осмысление больших событий, происшедших в стране и в мире. И это в традициях русской поэзии, которая в своих высших достижениях всегда была поэзией большого интеллекта, раздумий, о глубоких вопросах общественного бытия, средоточием духовного развития народа.

Книга поэм Луговского дает наиболее углубленное в его поэзии осмысление событий нашего времени и через это — наиболее глубокое изображение смысла и величия революционной идеи, утверждающейся в самых тяжелых испытаниях. Поэт здесь много размышляет, но его размышления столь драматично напряжены и лирически взволнованы, что самое размышление приобретает предметность и конкретность поэтического образа. Современность, которая на наших глазах становится историей, — главный герой новой книги Луговского.

Поэт правдиво говорит о больших трагедиях века, которых было немало, но эти трагедии не в состоянии поколебать оптимизм человека, безраздельно саятого с революцией.

По жанру книга поэм Луговского представляет особое явление в нашей поэзии. Мы знаем сюжетные поэмы Вагрицкого и Твардовского, свободную лирическую поэму Маяковского, Асеева, Карсанова. Поэмы Луговского строго организованы вокруг центрального сюжетного нерва, но они носят характер своеобразного лирического монолога, обращенного к своему поколению.

Резкая контрастность центральных образов, обусловленных проблематикой поэмы, обогащает множеством разнообразных, нередко глубоко личными ассоциациями, сообщаясь поэмам обаяние живой жизни. В этом отношении поэмы Луговского несколько родственны «Последней ночи» Э. Вагрицкого, где также нет деления на сюжет и лирические отступления, потому что то, что можно было бы назвать лирическим отступлением, и движет, главным образом, сюжет.

От имени тех, чья юность была отдана революции, поэт проявляет неустанную заботу о том, чтобы традиции этого поколения не были растеряны идущими в жизнь. Один из самых важных вопросов — воспитание молодежи в духе подлинной идейной и моральной чистоты — волнует поэта. «Здесь оплот государства и наше бессмертье», — говорит поэт в школе и со словами доверительности и нежными обращается в той, кому поручено воспитание молодого поколения:

Ты чему их научишь, родная моя,
Примириться, гордости, правде
Кто из них будет кинжол битья,
Кто слепой зайлотов в неразборчивом шрифте?
Мы великие цели поставили им,
Все богатства земные оставили им.
Мы о многом в пустые литавры стучали,
Мы о многом так трудно и долго молчали.
Но по нашим следам, по кострам и золе
Поколение юных идет на землю.

Поэзия В. Луговской — это убедительное доказательство того, что подлинная народность заключается в высокой гражданственности. Эта поэзия — яркий образец новой революционной лирики, девизом которой могут служить слова Маяковского: «Я ж с небес поэзии бросаюсь в коммунизм, потому что нет мне без него любви».

Когда-то, в начале своего большого литературного пути, В. Луговской писал:

Меня берут за лашканы,
Мне не дают покоя:
Срифмуешь нечто ласковое,
Тоскливое такое,
Чтобы пахнуло свежестью,
Гармонично, осязко,
Чтобы людям понемножку
Под месяцем высоким.

Поэт нашел резкие и сильные слова, чтобы отстоять гражданственность своей поэзии:

А ты, мой честный труд брани,
Бышь холостым патроном,
Ты хочешь сделать из меня
Гитару с патефоном.

Тебе бы стих для имени,
Верляв и беззаботен.
Иди отсюда, гражданин,
И не мешай работе.

Эти замечательные стихи и сегодня звучат резкой отповедью лирическому мелкотемью.

В. Луговской прошёл большой путь от стихийного, эмоционального восприятия революции в ранних стихах до глубокого идейного осмысления ее в книге поэм «Середина века» и в новой лирике. Последние произведения В. Луговского не только личная творческая удача поэта, но свидетельствование о глубокой зрелости всей советской поэзии, ее всагдашней готовности к серьезному осмыслению исторических событий, процессов становления и развития нашего социального строя.

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

Случай в доме Спираке

Помните ли вы В. Хенни на в роли обманутого избирателя из спектакля Театра сатиры «Потерянное письмо»? Давно нет среди нас актера, но тема, которая звучала в созданном им образе — тема маленького человека, живущего среди лиризма и обмана, тешно пытающегося понять правду — вновь поднята сейчас в спектакле Центрального театра Советской Армии «Титаник-вальс».

История о том, как «падают в президенты», как пускается во все тяжкие, как маньяк, хитрый, мошеннический, подкупая, старается пробраться в парламентский кабинет, как буржуазные выборы превращаются в предствление с заранее подготовленными ходами и заранее определенными результатами, эти истории не раз рассказывались писателями. В той правдивости, с какой румынский театральный деятель, писатель, драматург Тудор Мушатеку запечатлел механику буржуазных выборов, чувствуются славные традиции И. Караджале — основоположника критического направления в румынской драматургии.

Оригинальные пьесы Мушатеку «Титаник-вальс» заключаются в том, что героем является не карьерист, из тщеславия и корысти добывающий мандат, а порядочный человек, совершенно не желающий заниматься политикой, но, вопреки своей воле, несомненно на свое нежелание, все же становившийся депутатом.

Пьеса Мушатеку, написанная в тридцатых годах, осмеивает игру в парламентаризм, показывает нравы обыкновенной рядовой буржуазной семьи. В реалистической остроте письма — сила Мушатеку, секрет долгой сценической жизни его пьесы. Рассказ о неординарном обогащении семьи бедного чиновника, готовый на все во имя сохранения незанятого привилегированного состояния, наполнен у Мушатеку приметами быта и живой правдой характеров; происходящее в пьесе воспринимается как описание вполне вероятных происшествий. Кажется, именно так, только так и должна была быть вестись эта семья: сначала, как к пределу возможного, стремятся члены семьи с опережением спальной и велосипедом, а потом, когда это оказалось осуществленным, начинают пылать честолюбивыми мечтами; сначала они выгоняют дочь из-за того, что у нее небрежный ребенок — мораль превыше всего! — а потом, узнав, что ребенок этот — владелец их состояния, возвращают дочь обратно, обхаживают, как прищесу.

Сатирическая направленность пьесы получила наиболее рельефное выражение в игре А. Богдановой (теща Спираке). Антриса пользуется полярными красками: уж если она подобострастна, так до приторности, если груба, так до вульгарности. И крайности эти оправданы внутренней правдой характера: ведь образ этот — концентрат мещанства.

Среди лучшего богатства семейства Спираке трогательным курьезом выглядит он сам — маленький чиновничек уездной префектуры, чуждый всяким меркантильным соображениям, обладающий идеальными представлениями о политике и ее делах. В образе Спираке, человека, ценящего простые радости домашнего очага, искренне привязанного к семье, возникает светлая, гуманистическая тема. И очень важно, что именно этот образ получил в театре в исполнении К. Насоновна верное, глубокое толкование.

В игре Насоновна нет ни малейшего «комедийного» нажима, в его поведении все правдиво. Актер играет предельно честного, порядочно человека, ни в коем случае не желающего быть депутатом — и потому, что «заниматься политикой в нашем государстве значит врать», а врать Спираке не может, и потому, что он сам вовсе не чувствует себя достойным депутатского звания. Вместе с тем важно, что Спираке у Насоновна не просто хороший и честный человек вообще, а очень конкретный, индивидуальный характер, наделенный неповторимыми чертами.

Вот этих черточек индивидуального своеобразия не хватает исполнению Л. Фетисовой (Сармисалетуа), А. Куцовой (Тран), в облике которых режиссер А. Шат-

Сцена из первого действия комедии Тудора Мушатеку «Титаник-вальс». Фото А. Липина

риг искал лишь внешне броскую форму проявления характеров.

Хорошо, что благодаря инициативе Театра Советской Армии с произведением, которое вот уже четверть века не сходит со сцен румынских театров, теперь имеют возможность познакомиться и советские зрители.

В. ЛЕВИТНА

В защиту художников книги

Недавно я купил книгу Эркина Колдулла, куда вошли повести и рассказы писателя. Внешне книжка выглядит просто и приятно, но, вопреки своей воле, несомненно на свое нежелание, все же становившийся депутатом.

Пьеса Мушатеку, написанная в тридцатых годах, осмеивает игру в парламентаризм, показывает нравы обыкновенной рядовой буржуазной семьи. В реалистической остроте письма — сила Мушатеку, секрет долгой сценической жизни его пьесы. Рассказ о неординарном обогащении семьи бедного чиновника, готовый на все во имя сохранения незанятого привилегированного состояния, наполнен у Мушатеку приметами быта и живой правдой характеров; происходящее в пьесе воспринимается как описание вполне вероятных происшествий. Кажется, именно так, только так и должна была быть вестись эта семья: сначала, как к пределу возможного, стремятся члены семьи с опережением спальной и велосипедом, а потом, когда это оказалось осуществленным, начинают пылать честолюбивыми мечтами; сначала они выгоняют дочь из-за того, что у нее небрежный ребенок — мораль превыше всего! — а потом, узнав, что ребенок этот — владелец их состояния, возвращают дочь обратно, обхаживают, как прищесу.

Сатирическая направленность пьесы получила наиболее рельефное выражение в игре А. Богдановой (теща Спираке). Антриса пользуется полярными красками: уж если она подобострастна, так до приторности, если груба, так до вульгарности. И крайности эти оправданы внутренней правдой характера: ведь образ этот — концентрат мещанства.

Среди лучшего богатства семейства Спираке трогательным курьезом выглядит он сам — маленький чиновничек уездной префектуры, чуждый всяким меркантильным соображениям, обладающий идеальными представлениями о политике и ее делах. В образе Спираке, человека, ценящего простые радости домашнего очага, искренне привязанного к семье, возникает светлая, гуманистическая тема. И очень важно, что именно этот образ получил в театре в исполнении К. Насоновна верное, глубокое толкование.

В игре Насоновна нет ни малейшего «комедийного» нажима, в его поведении все правдиво. Актер играет предельно честного, порядочно человека, ни в коем случае не желающего быть депутатом — и потому, что «заниматься политикой в нашем государстве значит врать», а врать Спираке не может, и потому, что он сам вовсе не чувствует себя достойным депутатского звания. Вместе с тем важно, что Спираке у Насоновна не просто хороший и честный человек вообще, а очень конкретный, индивидуальный характер, наделенный неповторимыми чертами.

Кадр из фильма «Человек родился»

Запоминающимся иллюстрациями, приместной обложкой снабжена книга избранных произведений А. Грина (Гослитиздат). Выполнены они сочно, автор рисунков почувствовал писателя и заговорил с ним одним языком.

И опять имя художника Б. Маркеева мы узнаем только в выходных данных. То же происходит и в «Цитадели» А. Кронина (издательство «Правда») с художником А. Васиним, и еще во многих и во многих книгах со многими и многими художниками. Откуда же это пренебрежение к ответственному труду художника? Ведь он в какой-то степени становится соавтором писателя, помогает заинтересовать читателя еще неизвестным ему содержанием.

А вот еще более удивительный случай, уже с художником не соавтором, а прямым автором книги. В этом году в «Советском писателе» (Москва) вышел альбом шаржи «В литературной галерее». Появление книги предостерегло долготелую упорная работа художника И. Игина, позволившая собрать альбом в 62 шаржи портрета. Это был серьезный и кропотливый труд. Что же, обременитель, большого формата альбом вышел без указания на обложке имени И. Игина. Так же выглядел и титул книги, хотя марья издательства тут же стояла. И только на первой странице скромным шрифтом, таким же, как двадцать одна фамилия авторов эпиграмм и шаржа, была набрана фамилия художника — создателя оригинального альбома.

Обижаясь на художника и невольно вспоминаясь нить времени в детских книжках «О глумлении» С. Маршана имя художника В. Лебедева ставилось наравне с именем поэта, ибо Маршак было ясно, как много сделал Лебедев, чтобы приблизить стихи к детям. Припоминаются и десятки других книг, в которых имя художника-иллюстратора занимало свое достойное место, если не на обложке, то, во всяком случае, на одной странице с писателем. И даже автор скромной обложки ставился на обороте титула.

Мы много за последнее время говорим о необходимости улучшить внешний вид изданий. Это справедливо. Но надо, чтобы имя автора оформления книги заняло в ней свое законное место.

Аркадий МИНЧОВСКИЙ
ЛЕНИНГРАД

КИНО Начало пути

С радостным и вместе с тем настороженным чувством встречаешь появление на киноэкране новых имен молодых кинематографистов. Радостно потому, что уже сам этот факт не воспринимается как сенсация: проблема выдвижения творческой киномолодежи перестала быть проблемой. Настороженно — ибо от этих людей зависит будущее нашего киноискусства, им предстоит вписать новые страницы в его историю. Будет ли этот дебют раскрытием своей жизни, своего отношения к жизни? Проникновен ли он необходимостью поделиться со зрителями теми мыслями, которые глубоко волнуют и увлекают самих авторов?

Фильмы молодых выпускников недавно на экраны — «Человек родился» и «Весна на Заречной улице» — вселяют надежды: удали, достигнутые их авторами, принципиально важны для дальнейшего движения вперед. Создатели этих картин пришли в кино с ясными и определенными намерениями. Их увлекла задача — показать человека в повседневных заботах, в будничных делах. Не какого-то особенного, необыкновенного, выдающегося, а простого и обычного человека. И сталкивают его с повседневными житейскими трудностями, испытывают «на прочность» не в исключительных обстоятельствах, а олицетворяя в процессе самой обыкновенной жизни, в условиях, которые подчас не требуют особого героизма, но воспитывают стойкость, верность, настойчивость, бесстрашие, вырабатывают настоящий

И. ИГНАТЬЕВА

советский характер. Наде Смирновой, героине фильма «Человек родился» (производство «Мосфильма») — молодой девушке, только что окончившей десятилетку, очевидно, иначе представлялся ее будущее, во всяком случае, ее воображение наверняка рисовало совсем не то, с чем она встретилась в действительности. Надя провалилась на экзаменах в столичный институт. Обманулась в своем первом чувстве. Оказалась в чужом городе одна, с грудным ребенком. Как жить дальше, если случилась такая беда, если вдруг рухнули мечты, если подорвана вера в людей?

Создатели картины «Человек родился» — сценарист Л. Агранович и режиссер В. Ордынский — не пытаются выдать за подлинную правду ее замечатель. Их героине приходится воевать отнюдь не с ветряными мельницами, — она борется с реальными трудностями. Жизнь Наде негдет. С тяжелым рюкзаком за плечами, с ребенком на руках бродит она по улицам в поисках комнаты и с трудом снимает ее в деревняном загородном домике, куда нужно добираться на электричке. Работа Наде, ее первые трудовые шаги вовсе не выглядят делом простым и бесхитростным. Нелегко складываются отношения Наде с людьми: мешают самолюбие, недоверчивость. Да и люди, окружающие Надю, — разные, вовсе не одинаково добренькие, милые и внимательные. Авторы не торопятся как можно скорее послать на помощь героине коллектив, который сразу спасет

ее от всех бед, излечит от всех болезней (хотя, надо сказать, их усиленно направляли на эту стезю некоторые режиссеры). Нет, пусть сначала сама пройдет через горе, обиды, несправедливости, пусть научится отличать хорошее от дурного, настоящее от фальшивого. Выстоит — станет человеком.

Так рождается в фильме ощущение правды, реальности происходящего, так возникает тема высокой требовательности к себе. (Жаль только, что игра молодой актрисы Ольга Вган слишком однообразна, актриса не сумела передать разные оттенки чувств Наде.)

Авторы фильма «Человек родился» не пытаются выступать в роли добрых нянечек. На их же познаниях стоят и создатели картины «Весна на Заречной улице», выпущенной Одесской киностудией (сценарий Ф. Миронера, постановка Ф. Миронера и М. Хуциева). Они смело пропускают своих героев в самостоятельное плавание, не предпринимая заранее, кому к какому берегу приставать.

Кажется, уж как уютно и хорошо чувствует себя стальной Саша Савченко в компании смалодой мещанин Зиночки и ее друзей. Но вот появилась на Заречной улице молодая учительница Татьяна Сергеевна, и потянуло его совсем в другую сторону, и другой жизни, к иным людям...

Авторы очень любят своих героев, стремятся побольше рассказать нам о них, одновременно со зрителем открывая и хорошее, и дурное в этих молодых рабочих ребятах, с которыми мы знакомимся в вечерней школе, на заводе, на отдыхе. С добрым юмором, а когда надо, и с умной, едкой насмешкой показывают они их взаимоотношения, их быт. Пристальное внимание к человеку отличает интересную работу молодых режиссеров. В фильме за про-

ванностью «бытовых» интонаций ощущается своеобразная романтика будничности.

Картина вызывает уважение к людям и их труду, к их чувствам, и уважение это рождается прежде всего оттого, что мы видим жизнь с ее бедрами и тревогами, жизнь, которая учит, воспитывает и многого требует от человека. Конечно, жить было бы очень легко и просто, если бы все выходило по рецепту «мудрого» старого рабочего, ласково поучающего молодого героя в пресловутой картине «Есть такой парень»: «Ну что, не получается, сынок? Накрой! Накрой! Накрой! Раз, два, три... Раз, два... Накрой! Получается, получается!»

Но на героев Заречной улицы не действует это магическое «раз, два, три». Придумал Савченко дельное рационалистское предложение, а разработать его не смог — не хватило знаний. Много надо еще вложить упорства и настойчивости, чтобы осуществить свое намерение. И любовь не сразу приходит к тебе счастливая и беззаботная. Ее надо завоевать.

В чувстве Саши Савченко к Татьяне Сергеевне раскрывается характер героя. Хотел Савченко просто покорить сердце Татьяны Сергеевны: мол, мы прямо, работячо — полюбим, мы прямо, работячо — полюбим. Так и приписывает: «Надо ли мне эти пылашки. Лучше скажите, что вы сегодня вечером делаете?» А подлинно иначе не признала Татьяна Сергеевна его обычных ухаживаний. Почему? Побреговала «рабочим человеком»? Или здесь что-то другое? Н. Рыбинков точно передает оттенки чувств своего героя. Вот пришел Саша домой к Татьяне Сергеевне. Завульгарно, раздлинно первые аккорды диалогта Рахманниова. Забыл обо-

всем, слушает музыку Татьяна Сергеевна. А Саша, неловко застыв на табуретке, равнодушно глянул по сторонам, достал папироску, закурил... А потом вдруг тихо поднялся и осторожно вышел из комнаты. И мы чувствуем: вот сейчас он понял, что отделил его от Татьяны. Постепенно просыпается интерес Савченко к искусству, ответ на какие-то свои мысли, чувства, переживания он начинает накладывать в стихи Блока, и в музыку Чайковского...

Первые работы молодежи (а исполнители почти всех ролей в этих фильмах — молодые артисты) радуют своим стремлением не обходить трудных поворотов жизни, раскрывать взаимоотношения людей во всей их психологической сложности. Хотя вступают не-нет, да и сбываются авторы на путь облегченного, иллюстративного решения темы. Мельком, скороговоркой рассказывается в фильме «Человек родился» о том, как складывались отношения Наде и обманутого ее Виталия. Сменяющие одна другую панорамы Москвы здесь отсчитываются на второй план. Не успевают еще Татьяна Сергеевна («Весна на Заречной улице») прозвонить, что она «здесь чужой человек» и все для нее «чужие», как в ее новую комнату один за другим приходят ученики и несут подарки на новоселье. Столь же легким и примитивным путем снимается внутренний конфликт героини с Савченко: «экскурсия» на завод открывает Татьяне красоту труда Саши, вызывает к нему новые чувства.

Да, обе картины правдивы в тех чертах, деталях, из которых складывается человеческий характер, обстановка жизни героев. Да, мы верим их внутренним побуждениям, их поступкам. Но не превращается ли порой желание

отразить течение жизни во всех ее подробностях в некую самоцель? Выходят ли авторы далеко за пределы случая, данной судьбы? Не останавливаются ли они на полпути, исчерпывая мысль, вложенную в произведение, счастливой раздельной изображенной историей? Не рождается ли так новый кинематографический штамп?

В фильме «Человек родился» затронута глубокая и серьезная проблема становления самостоятельного человеческого характера. Но лишь затронута, ибо все сведено к тому, ответит ли Надя на любовь Глеба, соединит ли с ним свою жизнь. Ну, а если не ответит, если останется пока по-прежнему вдвоем с сыном? Ведь куда важнее для нас знать, что вынесла Надя из трудных испытаний, что приобрела в нелетком жизненном опыте. И даже не столько это. Главное — открыть в частной судьбе героини проявление общих закономерностей жизни.

Думается, что вот этого как раз и не хватает, повторяю, хорошим, светлым фильмам «Человек родился» и «Весна на Заречной улице». Здесь нет того неразрывного сочетания личных судьб с глубокими жизненными проблемами, которое поднимает произведение искусства на высокую ступень, делает его по-настоящему всеобщим. Наш зритель, к сожалению, не избалован фильмами, где бы правдиво, интересно рассказывалось о простых советских людях. Вот почему так тепло приняты и «Человек родился», и «Весна на Заречной улице». Но сегодня уже надо идти дальше. Хочется в произведениях кино оцифровать большую широту авторского взгляда на действительность, почувствовать большую глубину и смелость мысли, увидеть более значительные художественные обобщения.

ЭТО — не праздный, это — законный, идущий от сердца вопрос: с кем вы, литераторы Венгрии?

Открытый вопрос

«Восхищения», «депортация». И каждое это слово — ложь, потому что и употребляются — они, эти

Анатолий Константинович Котов

Тяжелая болезнь унесла из наших рядов Анатолия Константиновича Котова. Это был один из видных деятелей издательского дела в нашей стране, полновидный друг книги — директор Государственного издательства художественной литературы.

Анатолий Константинович Котов родился в Ленинграде, в 1909 году. Он начал трудовую жизнь четырнадцатилетним подростком, поступил рабочим в один из совхозов Смоленской области и одновременно учился. В 1925 году вступил в комсомол. Несколько лет преподавал в сельской школе.

После окончания 2-го Московского государственного университета в 1931 году Анатолий Константинович пришел в коллектив Гослитиздата, и с этого времени вся его жизнь непрерывно и тесно связана с издательством. Здесь он прошел славный двадцатипятилетний путь от редактора до директора крупнейшего издательства Анатолия Константиновича был членом Союза писателей и проявил себя как талантливый литературовед и критик.

Отличительной чертой Анатолия Константиновича была его горячая и глубокая любовь к литературе. С его именем была связана большая и плодотворная работа Гослитиздата по изданию в послевоенные годы литературного наследия русских и иностранных классиков, лучших произведений литературы народов СССР, русской советской и современной иностранной литературы.

Он был талантливым исследователем творчества В. Г. Короленко, опубликовал о Короленко более двадцати работ, а также — автором ряда ценных статей о творчестве Гончарова, Подъячева, Серафимовича. Он много сделал для выдвижения в нашу литературу новых произведений и новых имен.

А. К. Котов сочетал свою большую творческую и организационную работу с активным участием в общественной жизни.

Анатолий Константинович Котов пользовался заслуженной любовью и большим уважением среди работников печати, издательства и писательской общественности.

Память о нем, верном сыне Коммунистической партии, прекрасном работнике, необычайно скромном, обязательном человеке и отзывчивом товарище, будет жить среди нас.

Министерство культуры СССР
Правление Союза писателей СССР
Государственное издательство художественной литературы
Институт мировой литературы
Академии наук СССР

Правление Союза писателей СССР и Московское отделение СП с глубоким прискорбием извещают о смерти члена Союза писателей, видного организатора издательского дела, директора Государственного издательства художественной литературы

Анатолия Константиновича Котова

и выражают соболезнование семье покойного.

Гроб с телом А. К. Котова установлен в помещении Центрального Дома литераторов (ул. Воросского, 50).

Гражданская панихида состоится 1 декабря, в 12 часов дня, в Центральном Доме литераторов.

Похороны на кладбище Введенские горы.

Ал. РОМАНОВ

БУДАПЕШТ

Это — дружелюбный вопрос, продиктованный убеждением, что в момент, когда во всех сферах общественной и экономической жизни Венгрии идет борьба за жизнь, за то, чтобы дышали трубы заводов, учились дети, издавались книги, чтобы совместными усилиями миллионов людей укреплялись порядок, спокойствие и мир, — место писателя в гуще народа, среди людей, отстаивающих демократию и социализм.

Этот вопрос тем более уместен, что, как известно, буржуазная идеология, пропитанный мизантропией разложения западный ве-

тер давно уже захлестывали венгерских писателей. Многие из них (многие!) задолго до событий в октябре открыто выступили против ленинского принципа партийности литературы, распространяя под флагом творчества «свободы мысли», «свободы творчества» нигилистические представления о государстве и обществе, чуждые социализму эстетические и философские концепции. Эти писатели вносили серьезные идейный раздор и замешательство в ряды интеллигенции, в среду студенческой и учащейся молодежи.

Положение усугублялось тем, что, как рас-

сказывали нам, еще задолго до событий руководство идеологическим фронтом вышло из рук старого партийного и государственного руководства. Из месяца в месяц в газетах, журналах, по радио под флагом критики негодных руководителей велась открытая пропаганда против партии и правительства, причем в этой кампании участвовали и некоторые писатели из числа тех, что давно уже оторвались от народа и продали душу Западу.

Слов нет, критика тогдашнего руководства была нужна, и в этой критике было немало правого. Но правда все чаще

тонула в домыслах и вымыслах, на первый план настойчиво выдвигались шовинистические мотивы, антисоциалистические настроения. Дело доходило до утверждения, будто трудовой народ Венгрии вообще «не хочет социализма». И, странное дело, деятели идеологического фронта не отмежевывались от этих выступлений, не раскрывали народу глаза на их источники и их подлинное назначение. Более того, казалось, что работники идеологического фронта дают работни такого рода выступлений.

И даже теперь, когда наступили совсем другие времена, в деятельности творческих союзов Венгрии еще много неясного, незрелого, внушающего серьезные опасения.

Где и с кем были венгерские литераторы в эти трагические дни, что думали и думают они о событиях минувших недель? Помогли ли и помогают ли они сейчас своему народу, своему Революционному Рабоче-Крестьянскому Правительству обуздать реакцию, установить законность и порядок в своей стране?

Следует с глубоким сожалением констатировать, что объективное изучение роли Союза писателей в венгерских событиях не дает оснований для каких-либо положительных суждений. Более того, мы со всей ответственностью можем заявить сейчас, что некоторые писатели сыграли в этих событиях роль негласных союзников реакционных сил. После же разгрома реакции, осуществленного без их участия, они заняли фальшивую, двусмысленную, по существу антиправительственную позицию.

Мы встречались с венгерскими писателями и беседовали с ними в их клубе.

В холодном, прокурсорном здании снова и вперед, о чем-то спорили, что-то выкрикивали десятки молодых людей.

Секретарь союза Дьюла Фекете пригласил нас в соседнюю комнату. Нас познакомили с Иштваном Эркенем, Шандором Надем, Михаэлем Гергеом, Мате Дьердем, Петером Кучука, Эндре Веси и другими литераторами. Вслед за нами комнату до отказа заполнили околориторические молодые люди, отличающиеся весьма развлекательными манерами.

О минувших событиях говорили Веси, Эркен, Кучука, Фекете. Остальные или молчали или согласно поддакивали и кивали головами. Писатели говорили и равнодушно, каждый — по-своему, но, к сожалению, мы не чувствовали в их словах ищущей от сердца человеческой искренности, не видели открытого, чистого взгляда.

Иштван Эркен высокопарно доказывал недоказуемое. Он утверждал, что будто бы угроза контрреволюции в Венгрии вовсе не существовала или, по крайней мере, панически переоценивалась.

Мы спрашивали: во имя каких же идей горели костры из книг классиков марксизма, публично уничтожались произведения Ленина и Горького, Чехова и Гюго, Драйзера и Шолохова? Во имя чего поджигались мазитки советским воинам-освободителям? С какими же целями в страну пожеловали из-за рубежа свыше четырех тысяч хортистских офицеров-эмигрантов?

Мы ждали, но не дождался ответа.

Если угроза контрреволюции «переоценивалась», тогда от чего же имени по радио выступал кардинал Миндсенти со своей наглой программой и в чьих интересах Фрэнк Эстергази претендовал на участие в политической жизни страны?

Может быть, спрашивали мы, не было виселиц на площади Республики, не было массовых расстрелов коммунистов, партийных активистов, рядовых работников общественной безопасности, не было разгрома зданий партийных органов, и по-прежнему бьется горячее сердце полковника Асташа, вырезанное венгерской «черной стонией» из его груди? Что такое все это — «массовое мирное» движение или разгул черной реакции, контрреволюции?

Ответа на эти вопросы мы так и не получили.

Петер Кучука меняет тему разговора, он так сказать, «теоретически» пытается осмыслить происшедшее, разбив его на «этапы». В его речи звучат слова: «на-

слово, только для того, чтобы попытаться слухи превратить в факты, вымыслы в доказательства, обойти то, что известно всему миру, и легализовать в качестве очевидных истин подлейшие домыслы, идущие из разбитого хортистско-фашистского подполья.

Зашла речь и об обсуждении венгерского вопроса в ООН. И тут вдруг выяснилось, что у кубинского делегата, внесенного на обсуждение Генеральной Ассамблеи свою фальшивку о геноциде, среди венгерских писателей имеются не только сочувственно слушающие, но, пожалуй, и от души поддакивающие. Во всяком случае, грязная клевета, которую обрушил на венгерский народ на пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи кубинский делегат, не встретила осуждения у Золтана Фабяна и Дьюлы Фекете.

Так, словно сквозь дремучий лес, в течение трех часов пробирался мы сквозь дикое противоречия в оценке венгерских событий венгерскими писателями.

Один из них, назвавший себя коммунистом, что-то лепетал о «кризисе марксизма». Некий околориторический молодой человек из числа присутствовавших в комнате стал кричать о своей «ненависти к русским». Создавалась атмосфера отнюдь не дружеской беседы.

Но крикуна удалили, и беседа возобновилась... Возвращаясь в гостиницу по затемненным и притихшим улицам Будапешта, мы думали о том, что идеологическая отравка, которая действовала на головы многих венгерских писателей, видимо, серьезно мешала им быстрее определить свою позицию в новых условиях.

Мы искренне сожалели, что в этой беседе не участвовали писатели Петер Верещ, Дьюла Инеш, Бела Илеш, Дьюла Хай. Мы не прочь были бы встретиться и с Дьердем Хамошем — редактором газеты «Продажи Уйнаш» («Литературной газеты»), позиция которой в период, предшествующий событиям, часто была, по меньшей мере, двусмысленной. Позднее мы узнали, что в этот момент эти писатели в соответствующих компетентных органах

взяли на себя желание помочь Революционному Рабоче-Крестьянскому Правительству призвать трудящихся к работе, к нормализации жизни, обобщая вопрос об этом поставить на заседании правления союза.

Мы, к сожалению, не знаем, как прошло это заседание, но обсуждение было, видимо, плодотворным. Вскоре в газете «Ненсабаша» мы читали заявление Союза писателей «Об общественной безопасности, о начале производственной работы, о свободе высказывать правду». Не все в этом документе было высказано до конца, ясно и открыто. Кое-какие его положения вызвали при недоумении вопросы или возражения. Сердечные же этого документа, его исходная мысль была, безусловно, ободряющей.

«Общественным и экономическим строем Венгрии», — говорилось в этом документе, — должен быть социализм, построенный демократическими средствами, с учетом национальных особенностей, при сохранении земельной реформы 1945 года и национализации заводов, крупных предприятий, шахт и банков».

Заявление писателей убедительно подтверждало, что и в среде творческой интеллигенции, как и в других группах трудящихся, продолжается сплочение сил, верных социализму. Эти силы берут вверх. Этим славом принадлежит будущее.

Но вопрос: «С кем вы, литераторы Венгрии?», еще не снят. Это — открытый вопрос. Народ, правительство, партия рабочего класса, все честные люди, борющиеся за социализм и мир, еще ждут от венгерских писателей исчерпывающего и ясного ответа, ответа делом на этот вопрос.

Время не ждет. Время торопит. Нужно отвечать, и отвечать непременно сегодня. В трудные дни венгерскому народу нужно мобилизующее и вдохновляющее слово его писателей.

Ал. РОМАНОВ

БУДАПЕШТ

Автопортрет Кристофера Мейхью

Нам не представилось возможности сесть пуд соли с Кристофером Мейхью. И тем не менее мы берем на себя смелость утверждать, что достаточно хорошо знаем мистера Мейхью, члена английского парламента от лейбористской партии. Не из личных бесед и встреч родилось наше суждение о нем. Его статьи и выступления были теми разрозненными штрихами, которые в совокупности в конце концов составили его политический автопортрет.

Наш первый обстоятельный разговор с Кристофером Мейхью состоялся на страницах «Литературной газеты» 14 июня этого года. Тема была важной и волнующей — «Что содействует и что мешает культурным контактам». В присланной из Лондона статье Мейхью были превосходные слова: «Мы горячо приветствуем те шаги, — писал он, — которые предпринимаются для того, чтобы уничтожить барьеры, разделяющие наши страны». Правда, при этом статья имела явный крен, — вину за недостаточное развитие культурных связей между двумя странами Мейхью был склонен возложить на Советский Союз. В том же номере Кристофер Мейхью обстоятельно ответил заместителю председателя правления ВОКС В. Яковлев, и в целом можно сказать, что разговор получился деловым и полезным. Увы, вскоре оказалось, что со стороны Мейхью это не был разговор по душам.

В конце октября Мейхью потребовал, чтобы английские юноши и девушки не поехали в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Такое требование настолько противоречило его призывам «уничтожить барьеры, разделяющие наши страны», что невольно возник вопрос: неужто в октябре Мейхью сжег все, чему поклонялся в июне? Может быть, статью Мейхью в не успевшем покажет номере «Литературной газеты» от 14 июня была лишь маской, которую он сбросил, как только настала пора переходить от слов о развитии контактов к делам?

Могут сказать: заслуживают ли такого пристального внимания маневры Мейхью? В конце концов, разные бывают лейбористы и разные они вещи говорят, на каждый чих не наздравствуешься. Но в данном случае есть некоторые пикантные обстоятельства, требующие особого подхода. Дело в том, что Мейхью — не просто рядовой член английского парламента. Он председатель Комитета по связям с СССР при Британском совете. Заметьте — по связям, а не по возвышению стены между двумя народами!

Учитывая, что Мейхью занимает столь почетный и ответственный пост в столь полезной организации, хотелось думать,

что выступление его против участия юных англичан в Московском фестивале — это какое-то недоразумение, ошибка, от которой не застрахован любой смертный, даже если он занимает пост председателя Комитета по связям с СССР.

Но вот прошло уже несколько недель, и господин Мейхью несколькими уверенными штрихами докончил свой политический автопортрет.

Статья, которую он опубликовал 9 ноября в вечерней лондонской газете «Стар», стоит не пуга, а центнера совместно съеденной поваренной соли. Она не оставляет места для сомнений. Печальный парадокс, но факт: председатель Комитета по связям с СССР — убежденный противник этих связей.

На страницах «Стар» он размышляет о нынешнем состоянии англо-советских отношений и приходит к выводу, что эти отношения «упали до самого низкого уровня». Кто же в этом повинен? Решительно и бесповоротно Мейхью валит всю вину на Советский Союз, точнее, на действия советского войска, преградивших в Венгрии путь реакции и фашизму. При этом Мейхью не брезгает ни грубой бранью, ни клеветой. Трианология, которой пользуется господин лейборист, ничем не отличается от выражения самых правых консервативных органов. Смычка в этом смысле полная.

Если взаимоотношения плохи, значит, их надо улучшить. «Noblesse oblige», — говорит француз, — положение обязывает. Положение председателя Комитета по связям с СССР обязывает, если не к доброжелательности, то, по крайней мере, к корректности и благопристойности в отношении СССР. Мейхью же, видимо, смотрит на дело иначе. Уж кому-кому, а ему в первую очередь, казалось бы, надлежало знать, что развитие любых нормальных, в том числе и культурных, контактов между странами мыслимо лишь на основе абсолютного невмешательства во внутренние дела друг друга. Однако некоторые рассуждения Мейхью, обнародованные газетой «Стар», в частности его выпады против Советского правительства, нельзя квалифицировать иначе как развлекательство во внутренние дела СССР.

В июне Мейхью горевал, что в СССР имеются «неправильные представления об Англии». Спрашивается, а помогает ли председатель Комитета по связям с СССР развлекать неправильные, ложные представления о Советской стране, которые усиленно культивирует в эти дни у англичан реакционная пресса? Увы, наоборот, он сам деятельно восстанавливает англичан

против Советского Союза. Всеми доступными ему средствами он осложняет отношения между двумя странами. Это относится не только к его статьям. Известно, что именно возглавляемый Мейхью комитет сорвал поездку в Москву балетной труппы «Сальер Уалдс». Отказ был мотивирован событиями в Венгрии — почерк господина Мейхью угадывался без труда. Значит, разрешите контрреволюционерам читать расправу над патриотами, пусть хортисты затанцуют коваными сапогами невинных, пусть они живьем сжигают одних и вешают за ноги других, не препятствуйте балетам, и тогда, только тогда Кристофер Мейхью милостиво разрешит чарошницам из «Ковент-Гарден» блеснуть своим мастерством на московской сцене. Мы хотели и хотим насладиться творениями английского искусства, но не такой ценой, господин Мейхью!

В том же, что советский человек испытывает неизменный и благожелательный интерес к культуре английского народа, сомнений быть не может. Тринадцатого ноября в Москве открылась выставка рисунков детей Англии, и те же люди, которые у стен британского посольства бурно протестовали против английской агрессии в Египте, сегодня осматривают залы выставки и заполняют книгу отзывов теплыми словами похвалы и приветия.

Линия поведения Мейхью, перекрывающая каналы англо-советских культурных связей, вызывает осуждение в самой Англии. Заместитель председателя Национального исполкома лейбористской партии Том Драйвер назвал «идиотским и достойным сожаления» решение отменить поездку в Москву английской балетной труппы.

В газете «Рейнольдс ньюс» Драйвер дает развернутую характеристику деятельности комитета, возглавляемого Мейхью. Вот что он пишет: «Цель комитета, председателем которого является Мейхью, заключается в ущемлении англо-советских отношений. Если этот комитет искренне стремится к осуществлению этой цели, то он должен согласиться, что англо-советское взаимопонимание... несмотря на все неудачи, остается главной надеждой на мир во всем мире... Это взаимопонимание должно продолжаться с целью улучшения отношений даже и в тех случаях, когда оно в настоящее время находится в состоянии упадка. В противном случае, этот комитет является лишь орудием внешней политики английского правительства и если правительство возобновит холодную войну, то комитет может с успехом прекратить свое существование».

В этой оценке есть очень много справедливого.

Илья ЭРЕНБУРГ

М. ВИЛЕНСКИЙ

М. ВИЛЕНСКИЙ

Письмо в редакцию

В «Литературной газете» от 29 ноября помещена статья Роже Гароди «Ответ Сартру». В применении к этой статье сказано: «Интервью Жан Поля Сартра, занимающее четыре газетные страницы, служит его личным развернутым комментарием к известному советской общественности заявлению группы французских писателей в связи с событиями в Венгрии».

Некоторые читатели «Литературной газеты» могут сделать вывод, что и другие французские писатели, подписавшие указанное заявление, заняли позицию, близкую к позиции Ж. П. Сартра. Поэтому я считаю полезным указать, что ряд писателей, под-

писавших заявление, решительно востают против антисоветской и антикоммунистической кампании, предпринятой некоторыми кругами французской общественности.

Ж. П. Сартр писал о том, что он отныне порывает все отношения и с советскими писателями и с французскими коммунистами. Тотчас вслед за этим в газете «Обсерватор» появилась статья Веркера «Не порывай связей», в которой он настаивает на необходимости поддерживать дружбу и с советскими писателями, и с советским народом, и с французскими коммунистами.

Веркер, как и ряд других писателей Франции, подписавших известное читателям «Ли-

тературной газеты» заявление, иначе смотрит на трагические события в Венгрии, чем советские писатели. Однако, мне кажется, нужно уметь отделить наших друзей, которые в том или ином вопросе расходятся с нами, от людей, призывающих к разрыву с Советским Союзом и с коммунистами. Некоторые круги Запада теперь стремятся возродить климат «холодной войны» и раздвинуть идею культуры, преданных дел мира и прогрессу. Я считаю, что в наших интересах, в интересах мира сделать все, чтобы этому воспрепятствовать.

Илья ЭРЕНБУРГ

Мельбурн — Сидней

Города так же не похожи друг на друга, как и люди. Даже если они носят одинаковые платья. Сидней, изрезанный причудливым залливом и разостлавший у зеленоватой морской волны золотые пляжи, напоминает Мельбурн лишь убегающей за горизонт чешей красных крыш. Когда смотришь на них сверху с самолета, они схожи с длинными рядами выложенной на просушку черепицы, но уже при выходе на аэродром чувствуешь, что у этого города свое лицо — воздух гудит от дыма, ветер доносит запах угля, железной окалины.

Мы прилетели в Сидней по приглашению Фрэнк Харди, австралийского писателя, широко известного советским читателям романом «Власть без славы» и рассказами из жизни простых людей. И первое, что он нам сказал при встрече, было: — Сидней — рабочее сердце Австралии.

Фрэнк Харди до этого жил в Мельбурне, он переехал в Сидней недавно. Когда мы спросили о причине этого, он ответил: «Я хочу быть ближе к моим героям».

Откровенно говоря, нелегко в такие дни покидать Главный олимпийский стадион. И даже делая круг над аэродромом, мы, несмотря на ремни, которыми здесь обязательно заставляют пристегиваться к креслу, припавшим к окнам, пытаемся представить, что там в зеленой чаше стадиона ставят рекорды и завоевывают новые медали.

В Австралии по случаю Олимпийских игр не уменьшен рабочий день, не стало меньше забот и хлопот, но всюду включено радио, непрерывно в будничные дела врывается голос диктора, сообщаящего последние новости. Особенно это чувствуется в отеле, где живут журналисты, — бывает, некоторые состязания

заканчиваются в 3 часа ночи, и тогда начинается трезвон телефонов по номерам, и авторучки, непослушные спонсоры, выводят в блокноты килограммы и десятые доли секунд. То одного, то другого журналиста вызывает Москва, часто случается, что медлительный австралийский расцвет присутствует при беседе двух полушарий.

Ничего удивительного нет — пять континентов демонстрируют здесь свои высшие достижения в физическом воспитании человека. Быть может, только на таких огромных состязаниях в полной мере понимаешь, как много может значить в жизни народа правильное разностороннее воспитание молодого поколения. Не одного рекордсмена, не десятка бегунов и прыгунов, а именно всего поколения. И кажется, самое главное в этом — избежать ледантизма, придать физкультуре и спорту характер увлекательной игры.

И все же, несмотря на магнитное притяжение Главного стадиона, мы улетели в Сидней по приглашению писателя. В литературе никогда не бывает и никогда не будет олимпийских игр, но писателям личные контакты не менее полезны и важны, чем спортсменам. Расстояние между Мельбурном и Сиднеем около 300 километров — сравнительно небольшое. Все время внизу горбятся горы и выжат пелли в долины небольшие реки. Горизонт заливают режущая глаз синева, простроченная местами белым пунктиром снеговых вершин. Начинается лето, трава на склонах приобретает цвет нестриженной австралийской овцы — буровато-рыжий. Внизу временами видны молочные дымы — это горят эвкалиптовые леса и травы. Пожары такого рода — бич многих районов. Австралийские газетные страницы наряду с сообщениями об олимпийских рекордах сейчас печатают тревожные информации о пожарах, кото-

рые следуют пастбища и леса, а порой и фермы.

Путь от аэродрома к деловому и культурному центру Сиднея лежит через рабочие кварталы. Здесь почти не встретишь кафе и ресторана. Сюда почти не заглядывают по ночам световая реклама, да мало и обыкновенной рекламы. Маленькие, зачастую деревянные, применительно к климату облепленные построенные домики — при нашей зиме в них выжить было бы невозможно — примыкают стена к стене. Центр богат, но улицы узки, движение затруднено, регулировщиков почти нет, светофоров мало. Водители друг с другом и пешеходами объясняются знаками — кому двигаться первому. Это трогательно, однако, говорят, автострафное много.

Через залив Порт-Джексон в центре города построен мост, который по праву считается чудом техники, но он нам напомнил Окендский мост в Сан-Франциско. В начале и конце моста также установлена гребенка полицейских будок для сбора платы за проезд. Протягивая полисмену деньги, шофер, пошмыгав, спросил: — Разве мы еще не оплатили мост? — Оплатили, — усмехнулся полисмен, — но деньги давайте.

В Австралию из Европы завезена сирень. Она превосходно цветет, но не имеет запаха. Нечто подобное происходило с австралийской литературой. Она выросла на австралийской почве из австралийской жизни, но была по форме слишком близкой к литературе английской и не обладала тем ярким национальным колоритом, который при общечеловеческом содержании делает национальную литературу достойным мировой духовной культуры. Это всегда тревожило передовых австралийских писателей. Не удивительно, что в первую очередь они показали нам очень простой, по-человечески трогательный памятник Генри Ласуону, одному из значительных австралийских литераторов. Подобно Максиму Горькому Ласуон много пережил и повидал. Он любил простой народ, его первая

поэма «Лица на улицах» кончалась знаменательными строками: «Пока город не услышит революционного шага, не исчезнут эти лица, лица несчастных. Ежегодно писатели Австралии возлагают венки у памятника человеку, который отдал народу свое щедрое сердце».

В Сиднее мы были гостями старшей австралийской поэтессы Мари Гилмор. Она живет на одной из шумных улиц в центре. Гилмор — сверстница Ильяна Войнич. Несмотря на то, что ей пошел 92-й год, Мари Гилмор оживлена, энергична, продолжает работу в поэзии и в прогрессивной печати. Совсем недавно вышел новый сборник ее стихов. Когда-то, давно, Мари Гилмор после провала большой забастовки в Сиднее с группой друзей уехала в Шаргай, чтобы организовать коммуны. Четырнадцать лет прожило это удивительное для своего времени поселение, но было задумано банками. Мари Гилмор показала нам письмо редактора журнала «Иностранная литература» А. Чакковского. «Я рада, что меня помнят, — сказала Гилмор, — только вот стихов еще не послала, не могу выбрать, но обязательно это сделаю».

Вечером состоялось встреча сиднейских и советских писателей, душой которой был Фрэнк Харди. Сиднейские писатели приветствуют идею круглого стола. В разговоре они указывали, что австралийский народ начинает все больше сознавать важность создания национальной литературы, но условия развития еще мало благоприятны. Книжным рынком командуют английские фирмы, которые представляют торговцам 50 процентов прибыли. Попытки австралийских писателей создать свое издательство кончились неудачно: они в материальном отношении не выдержали борьбы и сошли с дистанции до финиша. Интересно, что лучшие австралийские писатели сейчас ищут успеха на путях реализма, и даже в поэзии, наряду с лирикой, все большее признание получает эпос, стихи и поэмы из жизни простого человека. В этом духе высказывались Гилт Фолд, Блук, Ральф Робертсон и другие. Во

встрече участвовало больше двадцати человек. Разговор шел в духе круглого стола.

Радушное гостеприимство проявляли сиднейские журналисты, которые даже сделали нас почетными членами своего клуба. Как нам рассказывали, ассоциация журналистов очень часто судится с издателями. Только недавно журналисты частично выиграли длившийся целый год процесс об увеличении заработной платы.

В Австралии есть час, когда все пьет пиво. Это бывает между пятью и шестью часами вечера, с момента, когда кончается работа, до момента, когда на основании закона все бары прекращают продажу напитков, что возмещается звонком. Мы в это время были в сиднейских доках. От угла возле бара в одну сторону выдвигались столы и здание профсоюза, а в другой стороне прямо из-за угла соседнего дома в маленькую улочку вдалеке нос океанского корабля. В пять часов в баре начали собираться докеры — сильные, обожженные солнцем люди, в рубашках с открытым воротом, с закатанными рукавами. Некоторые, выпив стакан пива и выкурив сигарету, уходили расклеивать профсоюзные листовки и плакаты, продавая в порядке общественной работы прогрессивные издания. Другие спешили на собрания в клуб. Все, как со старым приятелем, говорили с Фрэнком Харди, который бывает здесь часто. Докеры его знают, уважают, считают своим. Харди сказал, что не мыслит своей работы без постоянного дружбы с докерами, которые являются и его героями, и его литературными судьями. Во время разговора наступила пауза, после которой она стала поздравлять: оказалось, радио только что передало сообщение, что в городе Балларате, где проводится соревнования по гребле, только что

одержал победу и завоевал золотую медаль Иванов. Таким образом, маленький пивной бар в сиднейских доках также оказался трибуной болельщиков Олимпийских игр.

Мы возвращались в Мельбурн в среду, горько сожалев, что не успели на стадион в то время, когда Куч бжал 5000 метров, оставив позади Пири. На этот раз Куч не дал Пири приклиниться к своей силе. С каждым кругом Куч увеличивал скорость, стадион бушевал страстями. Первый раз после парада зрители аплодировали стоя. Сержас Куч является самым популярным спортсменом на пятом континенте, и в Сиднее, куда он собирается вскоре поехать, его ожидает такое количество приглашений, что все визиты он не успел бы сделать до следующей олимпиады. Но кое-что из популярности здесь раздражает. На следующий день после победы одна из газет долго теоретизировала и выясняла недостатки в беге Куна и достоинства в стиле Пири. Эта статья напомнила лицо человека, жующего лимон без сахара. 28 ноября был днем огорчений для тех, кто ищет в спорте политическую подкладку. Над Главным стадионом трижды звучал гимн Советского Союза, и однажды на всех трех олимпийских флажках были подняты три советских флага, когда по холму на 20 километров советские спортсмены заняли три первых места.

Но что же поделал, решение олимпийского суда обжалованию не подлежит, и газетные сутяги напрасно изводят чернила и бумагу. А мы, глдя на некоторые гримасы, помним о сердцах, которые телешоу от знакомства с нашими людьми.

Николай ГРИБАЧЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты» Мельбурн, 30 ноября. (По телеграфу)

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг в субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм жизни — К-4-06-05, международной жизни — К-4-03-48, отделы: литератур народов

Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К-4-04-62, разделы литературы в искусства — Б-1-11-69, внутренний СССР — Б-8-59-17, информация — К-4-08-69, писем — Б-1-15-23, издательство — К-4-11-68. Коммулятор — К-5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30,

Б05107